

По обе стороны поводка

По обе стороны поводка

Составитель **О.Шимпф**

Пер. с немецкого
К.В. Шульц

Издательство **Московского университета**
1992

ББК 28.6

П 41

Р е ц е н з е н т :

доктор биологических наук *О. Л. Россолимо*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

По обе стороны поводка/Сост. О. Шимпф; Пер. с
П41 нем.— М.: Изд-во МГУ, 1992.— 96 с. ил.
ISBN 5—211—02362—5.

Книга «По обе стороны поводка» — сборник увлекательных рассказов о собаках. Авторы — известные зарубежные писатели — показывают различные стороны характера этих животных, их бескорыстную любовь и привязанность к человеку. Большинство рассказов, неизвестных широкому читателю, основано на реальных фактах, и, прочитав их, вы узнаете много нового и интересного о своих четвероногих друзьях.

Для широкого круга читателей.

4703010100—046 КБ—46—81—91
077(02)—92

ББК 28.6

Научно-художественное издание

П О О Б Е
С Т О Р О Н Ы
П О В О Д К А

Зав. редакцией Н. М. Глазкова. Редактор О. В. Апентьев. Художественный редактор Л. В. Мухина. Оформление художника А. А. Братцева. Технический редактор Г. Д. Колоскова. Корректоры Л. С. Клочкива, Н. И. Коновалова.

Сдано в набор 05.02.92. Подписано в печать 26.03.92. Формат 60×90^{1/16}. Офсет. Усл. печ. л. 6,0. Уч.-изд. л. 5,8. Тираж 100 000 экз. Зак. № 56.

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета. 103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Книжная фабрика № 1 Министерства печати и информации РСФСР. 144003, г. Электросталь Московской области, ул. Тевосянина, 25

© Copyright 1989 by Jugend und Volk
Ges. m. b. H. Wien — Munchen

© Перевод на русский язык
Издательство Московского
университета, 1992

ISBN 5—211—02362—5

Содержание

<i>Дитрих Росс. Фернандо, совсем необычный пес</i>	4
<i>Джойс Странгер. Сирра и 700 ягнят</i>	12
<i>Дитрих Росс. Последняя охота Дея</i>	17
<i>Бернхард Келлерман. Сэнг</i>	20
<i>Джеймс Турбер. Собака, которая кусала людей</i>	25
<i>Китти Ритсон. Тури и его конь</i>	29
<i>Джойс Странгер. И неожиданно выпал снег...</i>	37
<i>Зигфрид Штайцнер. Терри</i>	43
<i>В. Травен. Душа собаки</i>	49
<i>Гарри Блэк. Последняя пурга Оскара</i>	56
<i>Свен Хедин. Мой первый Йолдаш</i>	60
<i>Отто Ольшер. Дог</i>	73
<i>Чао Чин-Вен. Счастье</i>	77
<i>Э. Сетон-Томпсон. Снап, история бультерьера</i>	81
<i>Э. Сетон-Томпсон. Чинк</i>	91

Дитрих Росс

Фернандо, совсем необычный пес (быль)

Фернандо, о котором повествует этот рассказ, не был героем. Утопающего ребенка из бурлящего потока не вытаскивал, не защищал своего хозяина при ночном нападении. Он не боролся с ядовитой змеей, угрожающей хозяйке в саду, не предвещал распространяющегося пожара, дабы спасти таким образом целую семью. Фернандо в своем коротком «быть» выполнял другое значительное задание. Он стал символом любви и дружбы для ста тысяч человек, живущих в дебрях первобытного леса на севере Аргентины в городе Ресистенсия, где к домашним животным относятся довольно прохладно.

Певец Фернандо Ортиц в сороковых и пятидесятых годах зарабатывал свой хлеб исполнением танго и других народных мелодий вочных ресторанах севера Аргентины. Чаще всего он выступал в Ресистенсии, где у него было больше всего зрителей. Как-то утром, когда Фернандо Ортиц, довольный собой и всем миром, завтракал в кафе «Лос Банкос», к его столу приблизился, виляя хвостом, лохматый маленький песик. Тут же прибежал официант, чтобы прогнать назойливое животное. Ортиц, у которого пробудилось чувство симпатии к четвероногому, не позволил. Собака доверчиво подошла к Ортицу и разрешила себя погладить. Не отказалась она и от кусочка хрустящего печенья. Ортиц

пожелал узнать, кто хозяин собаки и как ее зовут. «Не знаю,— ответил офицант.— Она появилась здесь несколько дней назад, когда была сильная гроза. Так как она никому не мешает, может оставаться, пока ее кто-нибудь не возьмет. Мы зовем этого пса Неряхой, потому что он такой грязный».

Ортиц расплатился и встал, Неряха тоже. Ортиц вернулся в гостиницу. Неряха следовал за ним по пятам. Ортиц пошел в свою комнату, Неряха за ним. Оба стояли друг против друга. Певец смотрел на пса, пес смотрел на певца. Союз дружбы был заключен без слов. Ортиц купил поблизости еду на обед, но уже на двоих. Потом оба проспали послеобеденную сиесту, как это принято в жарких регионах Аргентины, и Ортиц заманил своего подопечного в ванну для наведения чистоты. В этом отношении их точки зрения резко расходились, и только что заключенный союз мог распасться. В конце концов Ортицу все же удалось вымыть пса.

Не нужно особо упоминать, что Неряха вечером провожал певца к месту работы. Очень заинтересованная всем происходящим собака терпеливо ждала, пока не кончилось выступление Ортица.

Первую ночь друзья проспали вместе в номере гостиницы, но на следующее утро — скандал! Администрация гостиницы «Колоп» отказалась Неряхе. Пока очень подавленный Ортиц все это принимал к сведению, Неряха решил проблему. Он нашел у входа в гостиницу защищенное, очень удобное углубление и с тех пор постоянно там ночевал.

Вскоре жители Ресистенсии привыкли видеть певца Фернандо Ортица в сопровождении маленькой белой собачки, которая повсюду следовала за ним. Кто улыбался доброжелательно, а кто и недобро, когда эта пара прогуливалась днем по улицам или сидела в кофейнях, а вечером выступала вочных ресторанах. Певца часто спрашивали, какой породы его собака. «Трудно сказать,— сомневался Ортиц.— В лучшем случае белый жесткошерстный потомок шпица».

Как-то вечером, по окончании работы Ортиц встретился по привычке с несколькими друзьями в винном погребке, конечно в сопровождении своей собаки. Неряха считал совершенно нормальным занимать свое место на стуле. Такая наглость, по мнению посетителей, вызывала общий смех.

— Как зовут твоего пса? — захотел кто-то узнать.

— Честно говоря, нет у него имени. Когда я его взял, он назывался Неряхой, — ответил Ортиц удрученно.

— Это же чепуха! Во-первых, он уже не грязный, во-вторых, он к тебе привязан, как ребенок, и принадлежит тебе, как сын, поэтому имеет право носить твоё имя. Следовательно, теперь его зовут Фернандо.

Под общее ликование последовала торжественная церемония крещения, вместо святой воды пришлось довольствоваться

шипучкой с маленькой добавкой вина. И Неряха стал называть-
ся Фернандо.

Несмотря на очень душевые отношения между Фернандо и певцом Фернандо Ортицем, последний не мог себя считать единственным хозяином и властелином Фернандо. Пес имел очень ярко выраженный компанейский характер и мгновенно завязывал дружеские связи. Никогда он не был навязчив. Он умел, благодаря свойственному ему такту, вовремя исчезать до появления неприязни к нему. Детям дарил он особую любовь: завидев играющих ребятишек, он всегда радостно подбегал к ним и с удовольствием принимал ласки со всех сторон. Высшим наслаждением для него было, лежа на спине, подставлять живот для поглаживания. И к старым людям он был очень расположен.

В Аргентине пенсия выплачивается только лично и подпись получателя обязательно заверяется печатью банка, поэтому в первые дни месяца около банка часто образуется длинная очередь пенсионеров. К ним и присоединялся «Апостол Мира и Дружбы» — Фернандо — и помогал старикам скоротать время ожидания. Однажды утром, когда Фернандо составлял компанию пенсионерам в очереди перед банком, проходящий мимо видный сеньор бросил на собаку дружелюбный взгляд и сказал ему несколько ласковых слов. Это был директор банка. Когда швейцар открыл дверь, Фернандо беззастенчиво прошествовал за сеньором в банк. Даже табличка «Директор» не могла его остановить, и он вошел в помещение. Озадаченный и одновременно развеселившийся от такой смелости сеньор директор поглядел на маленькую собачку. За его многолетнюю службу в банке такого еще никогда не случалось! Но пока он принимал решение, Фернандо сел на задние лапки и стал служить, размахивая передними и глядя при этом особенно проникновенно и дружелюбно на своего двуногого друга. Короче говоря, директор банка нажал на звонок, и появившемуся слуге был заказан завтрак на двоих. Завтрак для Фернандо сервировался на лоточке на ковре, печение предусмотрительно было замочено в кофе. Позавтракав, Фернандо растянулся на ковре, намереваясь основательно подремать.

Банковская деятельность директора и собачья дружба не очень хорошо совмещаются, поэтому директор был вынужден перед началом работы рас прощаться со своим четвероногим другом. Фернандо один не мог или не хотел выбраться из банка, и директор лично сопровождал его до входной двери. Эта церемония теперь повторялась изо дня в день, даже когда не было очереди пенсионеров. Спустя некоторое время Фернандо дали понять, что ему придется признавать в качестве сопровождающего чиновника низшего ранга. Через несколько лет директор был переведен в другой город. Новый директор не питал особой любви к собакам, а завтрак Фернандо, к сожалению, не был предусмотрен в официальном протоколе банка Ресистенсии, так что

пришлось собаке вычеркнуть эту часть дневной программы. Но пенсионерам Фернандо был и в дальнейшем верен во время их ожидания.

Со временем популярность и известность Фернандо в городе очень поднялась, но вместе с этим появилось и множество общественных обязанностей. Особыйнюх, можно даже сказать, шестое чувство было у него на свадьбы и праздники. Везде он был любимым гостем, даже талисманом. Говорили, что его присутствие приносит счастье молодоженам или полный успех празднику. Никогда Фернандо не появлялся раньше времени. Заставляя ждать, он удостаивался аплодисментов многочисленных гостей. Торжественной походкой, с гордо поднятой головой он шествовал мимо присутствующих прямо на кухню. Когда он чувствовал себя особенно хорошо в человеческом обществе, то садился на стул и снисходительно позволял себя баловать.

Фернандо всегда появлялся отлично причесанный, белая шерстка его блестела. Этим он был обязан одной даме, оставшейся неизвестной, которую он навещал всегда после обеда. Она была единственным человеком, от кого он терпеливо сносил купание и расчесывание, чтобы быть красивым оставшуюся часть дня.

Фернандо покидал празднества, когда считал нужным, к общему сожалению присутствующих. Как сознательный четвероногий гражданин города, часть своего драгоценного времени он посвящал политике. Он присутствовал на всех значительных событиях, сидел или стоял рядом с ораторами на трибуне. Последние были иногда в недоумении, кому адресованы аплодисменты — им или Фернандо. Политики видели в его присутствии хороший, а в отсутствии — плохой знак для предстоящих выборов. После победы на выборах Фернандо награждался бесчисленными вкусными кусочками. Что предпринимали побежденные, на митингах которых он тоже сидел на трибуне, в его истории не отмечено.

Особой страстью Фернандо было искусство, а именно музыка и театр. Он участвовал во всех важных мероприятиях: ложился около артиста, опустив голову между передними лапами, моргая глазами и навострив уши, следил за выступлением. Собака рядом с артистом — невероятно в Аргентине, где собаки считаются низшими существами. Только собак — поводырей слепых можно взять с собой в магазин или ресторан. Но Фернандо излучал что-то магическое! А кроме того, он не принадлежал одному хозяину, отвечающему за его действия.

Но вернемся к Фернандо, к его присутствию на сцене. Публика следила за артистом и за собакой. Если Фернандо до конца концерта оставался на своем месте, артист мог рассчитывать на бурные аплодисменты. Если же собака вставала раньше и уходила, вслед за ней уходила и публика. Однажды — единственный раз — дошло и до такого: Фернандо встал во время концер-

та, спокойно поднял ногу у занавеса и исчез. Вся публика последовала за ним, разве только ножку никто у занавеса не поднял. Честно говоря, другого этот артист и не заслуживал.

В другой раз знаменитый виртуоз давал концерт в Ресистенции. Вскоре после начала выступления он заметил собаку на сцене. Он сделал недовольную гримасу, возникло опасение, что он прервет концерт, но постепенно его неудовольствие перешло в приветливую улыбку, когда он понаблюдал за игрой ушей и глаз собаки. У многих зрителей создалось впечатление, что артист с того момента играл исключительно для Фернандо: часто их взгляды встречались, и артист старался превзойти самого себя. По окончании концерта музыкант подошел к рампе и дважды поклонился. Первый раз восторженным слушателям, потом чуть в сторону — Фернандо.

В Аргентине существует закон о борьбе с бешенством, предусматривающий отлов бродячих собак. Не придет владелец отловленной собаки в течение 24 часов — ее усыпят. В определенные дни недели ездят ловцы с фургоном по городу. Работа эта довольно презренная, поэтому им платят поштучно. Как-то утром Фернандо беззаботно прогуливался в Центральном парке. Не подозревая плохого, он, виляя хвостиком, доверчиво подошел к трем ловцам с петлями, мгновенно был окружен, что-то тонкое и жесткое обвило и беспощадно затянуло ему шею. Не помогли ни сопротивление, ни испуганный визг и кусание. Фернандо грубо потащили и заперли в фургоне.

Это насилиственное похищение не осталось незамеченным. Толпа детей бежала за фургоном с громким криком и плачем: «Фернандо, они поймали Фернандо, помогите!» Через две улицы на углу кофейни «Сорокабана» стояло несколько человек, погруженных в очень важные, но бесполезные политические разговоры. Один из них, услышав имя «Фернандо» и увидев приближающийся фургон, поднял тревогу. Тут же, на углу, фургон был остановлен тремя мужчинами, среди которых был Татало Домингес, бывший аргентинский чемпион, боксер-тяжеловес, который причислял себя к друзьям Фернандо. Что было дальше — осталось невыясненным. По словам администрации, это была «дискуссия». Другой источник информации сообщает достоверно о неповторимых ругательствах боксера, вслед за которыми последовали его же кулаки. Документально доказано, что ловцы и возница трусливо уступили и не оказали сопротивления, когда боксер открыл дверь фургона. Первым выскочил маленький белый комочек, вслед за ним еще 12 представителей семейства *Canis*, или, проще, «собачье дворянство обыкновенное». Дверь в кофейню была случайно открыта, и вся собачья свора с ходу кинулась внутрь и спаслась под столами и стойкой. С тех пор городская администрация, а вернее «отдел по борьбе с бешенством», наказала Фернандо полным отсутствием внимания к его особе.

В Ресистенции есть место, где по традиции встречаются

артисты. В известном доме в большом саду избранные артисты создали клуб. Здесь занимаются музыкой и литературой, художники устраивают выставки. Новые народные мелодии звучат здесь в первый раз в сопровождении сверчков и запаха тропических цветов.

«Фогон» означает лагерный костер, место встречи. «Арриерос» называют аргентинских погонщиков скота. Это уникальное выскочитимое ремесло теперь почти исчезло из-за появления современного транспорта. Погонщики должны были быть очень опытными в общении со стадами, особенно с крупным рогатым скотом. Они имели высокое чувство ответственности, их обязанностью было сохранить как можно больше животных до конца многокилометрового пути, проходящего через джунгли и голые жаркие степи. Арриерос должны были хорошо знать страну, паства, места отдыха и водопоя, уметь защитить животных от хищников и от других неприятностей. Арриерос встречались со многими людьми, узнавали новости, обменивались мнениями и поэтому имели большой авторитет у местных жителей. Их с удовольствием принимали на кострах, где угожали «асадо» — так называют жареное на костре мясо с вином. На этих встречах всегда звучала гитара, создавая соответствующее настроение. Одним из постоянных гостей в «Фогон де лос Арриерос» был певец Фернандо Ортиц в сопровождении Фернандо, который чувствовал себя там как дома, сидел обычно, согласно его высокому положению, на стуле среди поэтов, певцов, художников и прочих одаренных людей. В течение этихочных разговоров родилась идея еще при жизни поставить памятник Фернандо. Почему такая часть выпала маленькому уличному псу, не совершившему волнующего всех геройского поступка, приносящего ему признание людей? Потому что этот маленький уличный пес своей добротой и жизнерадостностью сумел разбудить в людях все хорошее.

При появлении Фернандо совершенно незнакомые между собой люди подходили к нему, ласкали его и начинали беседовать. Так сближались люди, у которых иначе не было бы причины знакомиться. А при последующих встречах говорилось: «Помните? Мы познакомились у Фернандо?».

В 1957 году президент Аргентины генерал Педро Евгенио Арамбуру посещал Ресистенсию. Все меры для охраны и защиты президента были приняты. На улицах и площадях, в правительственные зданиях — везде, где должен был пропаствовать президент, военные и полиция заботились о его безопасности. Все входы и выходы были под контролем, и в самом зале находилась полиция в штатском. Когда после официальной части программы садились к столу — случилось... Явился Фернандо — по своему обыкновению ни минутой раньше, ни минутой позже, дошел до середины зала, и тут один из офицеров захотел его выгнать. Фернандо испуганно сжался, но начальник полицейской

охраны, знакомый Фернандо, приказал офицеру пропустить собаку. Тот отошел, решив, наверное, что это причуда губернатора. Фернандо выпрямился и продолжал свой путь. Один из участников банкета увидел его, и все начали шептать: «Фернандо, Фернандо!» Президент удивленно ожидал прихода высокого чиновника. Наверно, он думал об испанском гранде в эмиграции — Фернандо ведь значит «королевский». Его удивление было безгранично, когда он увидел маленького белого лохматого пса, гордо шагающего прямо к столу.

Губернатор, сам ошарашенный визитом Фернандо, поспешил объяснить извиняющимся тоном господину президенту удивительные привычки этой необычной собаки, присутствие которой на всех праздниках считается хорошим признаком. Последовало несколько характерных анекдотов, вызвавших у генерала добрую улыбку. Фернандо пока двигался медленно за стульями, принимая тайные кусочки с большим достоинством. В программе была предусмотрена речь губернатора. Когда тот поднялся и, привычно покашливая, обратился с величайшим уважением к президенту, Фернандо воспользовался случаем и прыгнул на стул. Смех ближайших участников прервал речь отца города, а тот, глядя поверх очков, искал причину веселья. Слуга прибежал, чтобы прогнать Фернандо со стула, но губернатор, не теряя самообладания, приказал не терпящим возражений тоном: «Фернандо останется на стуле, дайте мне другой!». Президент Арамбуру выразил благодарность губернатору за произнесенную речь, и они снова сели за стол. Фернандо, конечно, в середине, как и положено знаменитой собаке в Ресистенсии. Генерал Арамбуру сам лично занялся теперь божественным Фернандо, чтобы понять странное поведение людей. Он нагнулся к собаке и погладил ее по голове. Фернандо смотрел снизу на президента. В его глазах был странный блеск доброты и преданности, который произвел сильное впечатление на президента. Он долго не отводил взгляд от собаки. Знаменитый президент забыл на время свой высокий пост и сказал Фернандо: «Ты в своем мире действительно король. А мой удел — собачья жизни!..»

Праздничный прием был окончен. Генерал Арамбуру поднялся, странное выражение было на его лице, когда Фернандо провожал гостей.

Шли годы, Фернандо старел... Он не потерял дружелюбия и доброты, но ноги его стали слабыми и глаза подслеповатыми. Его сшибла машина, сломала ему ногу. Недавно живущий в Ресистенсии ветеринар взялся его лечить и попытался отодвинуть старость. Пес все вытерпел спокойно, и дела его пошли на поправку. Но однажды Фернандо пошел, как обычно, к «Фогон де лос Аппиерос». Не доходя до ворот, он упал без сил. Немедленно вызванный ветеринар сделал все возможное. Фернандо уложили в одном из залов. Пес стонал и вздыхал в страданиях. Он еще раз поднял свою лохматую голову, но взгляд его уже искал другой

мир. Короткий хрип — и голова упала на лапы. Фернандо покидал этот мир, город Ресистенсию и множество своих друзей. Жители города не хотели смириться с тем, что Фернандо больше не будет шествовать по улицам, никогда больше не будет присутствовать на праздниках и политических трибунах. Его друзья с согласия городских властей решили его похоронить на пешеходной дорожке, там, где он делал свои последние шаги. И Фернандо — собака улиц Ресистенсии — был похоронен на улице. Бургомистр официально пригласил жителей города на похороны. Группа скаутов выкопала могилу. Улицы были наполнены людьми, прощающимися с Фернандо. Директор городского театра произнес растроганную речь, в которой выразил большую любовь и признательность Фернандо от всех почитателей необыкновенного пса, который сблизил и сделал добрее многих людей этого маленького городка.

Только одного человека не было на прощании — Фернандо Ортица! Певец был не в состоянии проститься со своим четвероногим другом, судьба которого была тесно связана с ним. Для него, да и для всех тех, кто любил это маленькое существо, он остался навсегда живым, как добрый дух и покровитель Ресистенсии.

Сирра и 700 ягнят

Плетка со свистом ударила раз, другой, третий. Собака скучила. Этот мучительный звук заставил Джеймса Хогга, табунщика, остановиться. Он обернулся и крикнул.

Погонщик скота был крупным мужчиной с угрюмым лицом и тяжелыми кулаками. Даже трезвый, он был отвратительным субъектом, а теперь еще был пьян и всю свою злобу вымешивал на собаке бордер-колли, стерегущей стадо. Черно-белая шерсть колли вся была заляпана грязью, собака была очень худа. Она скалила зубы и рычала на погонщика, избивающего ее. Наконец тот ударил собаку ногой.

Джеймс Хогг уже много лет служил табунщиком на ферме Эттрика, и его имя имело добрую славу. Его стихи в будущем сделают его знаменитым, но пока они служили только развлечением для посетителей кабака, подносящих ему в качестве платы дармовую кружку пива. Кроме того, Джеймс Хогг был известен своей справедливостью и умением обращаться с овцами и собаками. Фермеры, у которых были менее способные помощники, завидовали Эттрику. Хогг умел обучить самого глупого пса, и поэтому многие присылали ему своих собак на воспитание.

Хогг смотрел на собаку погонщика. Ее ноги были покрыты шрамами, на теле во многих местах видны следы плетки, на бед-

ре длинная гноящаяся рана. У табунщика был верный глаз, он видел породность собаки. Она была сокровищем, несмотря на грязь и изможденный вид. На конце замызганной веревки плелась собака, полная внутреннего достоинства.

С Джоном Май Кайем, погонщиком из Глазго, лучше было не связываться, но Хогг не стерпел жестокого обращения с животным. Он подошел к погонщику. Собака почувствовала сострадание подошедшего человека, она скулила и дергала поводок.

— Я куплю у вас собаку, — сказал Хогг. Погонщик устался на табунщика, убежденный, что тот свихнулся. Собака не стоила и копейки — живая или мертвая. Но если этот дурень захотел заплатить, значит, имел в кармане больше, чем нужно на одну кружку пива. Собака была одно мучение и чума. Завтра же он сможет получить другую, способную помочь ему в перегоне скота. Ему все надоело — мучение, грязь, кровати, кабаки с клопами, улица. Вот когда он разбогатеет и заимеет собственный выезд... Винные пары подстегивали его фантазию. Он кинул веревку табунщику.

— Забирайте проклятую псину. Она не благодарна, я ее ненавижу, — погонщик взял полкроны, теперь совершенно убежденный в том, что табунщик сошел с ума.

К вечернему отчету у хозяина Хогг взял собаку с собой. Это была самая уродливая животина, когда-либо виденная фермером. Правда, в ней чувствовалась хорошая порода, но длинные худые ноги и гноящиеся раны выглядели отвратительно, а в шерсти копошились вши и блохи.

— Убери эту скотину, — сказал фермер брезгливо, — только дурачок мог купить такую псину. Я от тебя ожидал большего.

Хогг не ответил. Собака была уже три часа его собственностью, и он был потрясен ее умом. Воспаленные глаза собаки глядели дружелюбно и умно. Проходя мимо овцы, она повернула голову и осмотрелась. Это была добротная собака. Не обычное животное, а собака, которая запоминается сразу, которая встречается раз в жизни — товарищ, лучше всех собак на свете. Хогг назвал ее Сирра. Он взял ее домой, вымыл ей лапы, дал глистоидное средство и накормил отдельно от других собак, потому что она была очень голодна. Сирра стала медленно поправляться.

Маленького роста, кареглазый, с темной кожей, выдубленной временем, проведенным на воздухе с овцами, Хогг как будто родился табунщиком. Он любил свою работу, любил пасти и гонять овец, любил стрижку, рождение молодняка. Больше всего ему нравилось выхаживать сирот, и он был счастлив, если находил суху, принимающую ягненка-сироту, или старую корову, которой безразлично, какое крохотное существо сосет ее вымя. Хогг постоянно воевал с воронами, орлами, лисами и куницами, способными напасть на больную овцу. Он воспитывал своих собак помощниками.

-- Место, собачка,— и собака легла, не шелохнувшись, как птенец фазана при виде коршуна. Сирра хорошо поддавалась дрессировке. Такое у Хогга случилось впервые. Он работал с ней втайне от глаз и насмешек рабочих фермы, которые называли собаку дохляком и доходягой, но ни собака, ни табунщик не обращали на их выпады никакого внимания. Сирра быстро все поняла и следовала за хозяином по пятам.

Очень скоро мужчины в этой глухой провинции заговорили о Сирре как о чуде. Страна, где они жили, была бедная, гористая, скалистая, пастбища скучные, трава жухлая. Полудикие овцы бродили где попало, залезали на скалы, и ягнята всегда были в опасности. Однажды ягнята забрались на островок посредине реки, но обратно прыгнуть боялись. Воздух был наполнен блеянием ягнят, а Сирра лаяла, просила людей помочь.

Сирра научилась хорошо ориентироваться в горах. Она знала, где укрываются овцы от непогоды, куда хорошая овца прячет своего ягненка, где коричневая овца пасется высоко в горах и где снежные заносы могут загородить ей обратный путь. Собака жила только для своего хозяина.

Сирра была умной собакой. Она могла работать одна, без сигнала табунщика. Люди были убеждены, что они умеют обмениваться мыслями без слов. Однажды Сирра выкопала из-под снега коричневую матку и повела надежным путем обратно к стаду. Без нее овца погибла бы.

Весной, когда Сирре минуло 4 года, Хогг и мальчик-ученик пасли овец в горах — 700 красивых молодых животных, готовых к продаже, которая принесет фермеру маленькое состояние. Хогг осматривал их с удовольствием. В отличие от матерей они шли плотно друг к другу. Сирра шла сзади и старалась держать их всех вместе. Хогг настыпал, мальчик жевал яблоко.

День был дурной. Толстые желтые облака, спрятанные за высокими горами, предсказывали снег. Хогг покрепче закутался плащом. Он был уже не молод и страдал ревматизмом. Сегодня болели все кости и намечался насморк. Слава богу, у него была Сирра — бесценный помощник! Опустив головы против ветра, овцы медленно плелись вперед. «Нам нужно сделать привал в углублении между скалами,» — сказал Хогг. Ему пришлось кричать из-за сильного ветра. Мальчик понял и кивнул головой. Там, в углублении, можно укрыть молодняк, а рядом есть шалаш для ночевки. Они разведут костер и погреются, дров вдоволь, они разогреют суп из бидона. Мальчик дул на озябшие руки и мечтал об отдыхе и еде.

Ягнята капризничали и издевались над собакой. Сирра беспрестанно кружила вокруг них. Хогг давно уже перестал приказывать собаке: она сама знала, что надо делать. Небо над ними становилось все темнее, приближалась страшная непогода, зывал ветер. Быстро двигались мужчина и мальчик по мокрой

траве. Внезапный раскат грома заставил их вздрогнуть. Ягнята в страхе разбежались — эхо обрушилось со всех сторон, отразившись от гор. В одно мгновение сделалось темно и начался снегопад. Снег прилипал к замершим телам. Это было похоже на конец света. Абсолютная темнота. Ягнята исчезли, будто их и не было. Хогг смотрел на побледневшего мальчика. Один бог знает, что теперь скажет хозяин. Растерянные ягнята в горах, где ямы, скалы, обледенелые выступы и снег. Сирра носилась как безумная. Она пыталась окружить овец, но безуспешно. С поджатым хвостом и грустными глазами она вернулась. В голосе Хогга была безнадежность. «Сирра,— сказал он, глядя на собаку,— Сирра! Это конец для тебя, меня и мальчика. Это уж точно». Сирра неуверенно виляла хвостом. Мальчик дрожал от холода и страха. Стариk фермер был справедлив, но для него это была слишком большая потеря. Никогда еще ни один табунщик не терял овец сразу. Реакция была непредсказуемой.

«Мы ничего не можем сделать»,— думал Хогг, но это было небольшим утешением... Если им повезет, они найдут шалаш. Он свистнул собаке. Сирра не пришла. Он засвистел еще раз, закричал. Ответом ему было эхо и дикое завывание ветра. Потеря собаки была так же страшна, как и пропажа овец. Хогг был расстроен и убежден, что Сирра убежала навсегда из страха перед наказанием. Он и мальчик боялись вернуться на ферму. Они провели мокрую, безнадежную ночь, в темноте щелкали через болото и лужи, лишь несколько звезд светилось на небе среди рваных облаков. Они искали следы овец, но их не было.

700 молодых ягнят — до стрижки единственный доход фермера — испарились, как облачко на летнем небе. «Сохрани нас бог, если мы не найдем их»,— сказал Хогг. Мальчик молчал. От страха у него пересохло в горле. Стариk фермер будет беспноваться от злости. Они тащились дальше, как побитые. И самое ужасное: без собаки нет никакой надежды даже утром собрать стадо. Один бог знал, куда разбежались обезумевшие животные в такую страшную ночь. Кругом только горы, и нет заборов, которые их удержат. Люди не смеши позволить себе отдых. Они искали без перерыва, и только слабое мерцание звезд помогало им. От усталости и слабости мальчик заплакал. Хогг задумался, хватит ли у него смелости появиться перед хозяином. Может быть, самое лучшее — собраться и уйти? Но это тоже не решение.

Не слышно голоса ни одного ягненка. И нет следов на жестком каменном грунте. Земляные участки были покрыты снегом. Мальчик так устал, что ему трудно было идти дальше. Хогг поудал на озябшие руки, он чувствовал себя разбитым. «Придется идти домой и все рассказать»,— наконец проговорил он. На восстоке чуть посветлело. Облачное небо обещало дальнейший снегопад. Слабый снег не мог поднять им настроение. Вокруг них — безнадежная пустота. Нигде ничего не шевелилось. Ягнята, на-

верное, далеко убежали. Над низиной кричали птицы. Журавль медленно летел над их головами к близкому ручью, где водилась форель и в зарослях прятались лягушки. Мальчик прислушался: «Стойте! — Глаза его блестели, он схватил Хогга за руку. — Да слушайте же!». Они слушали, смотрели друг на друга и не могли поверить.

Сирра работала всю ночь. Она видела убегающих ягнят и послушалась приказа. Хогг мог бы звать ее бесконечно, но она не послушалась, она знала свою работу. Она всю ночь гонялась за ягнятами, окружала их и загнала большую часть в глубокое ущелье. Здесь они копошились, не смея вылезти. Кругом, все время ходили кругом, пока собака выбегала на поиски остальных. Одних она разыскала у скалы над водопадом, других пригнала по узкому мостику. Она работала всю длинную ночь и только сейчас, перед рассветом, нашла, наконец, последнего ягненка. Все были тут. Ни одного не пропало. Она работала до тех пор, пока слышалось жалобное блеяние ягнят в горах, пока не образовалось одно огромное стадо внизу, в ущелье. Только тогда она начала лаять, вызывать о помощи, звать хозяина.

Хогг и мальчик услышали ее. Собака сильно устала, но продолжала лаять. Она говорила табунщику, что ягната все здесь, в безопасности, пусть он приходит и заберет их. «Сирра!» — закричал Хогг и, забыв об усталости, побежал. Кроме лая были слышны и голоса овец. Мальчик тоже побежал. Лай звучал из глубокого ущелья. Там, почти охрипшая, лежала Сирра около собранного ею стада. Мужчина и мальчик не верили своим глазам.

Мальчик побежал на ферму за второй собакой. Хогг полез в ущелье. Сирра, обессиленная, еле махала хвостом и лизала руку хозяину. Хогг отдал ей два бутерброда, которые в эту ужасную ночь не смог съесть сам. Мальчик вернулся с двумя мужчинами и двумя собаками. Вместе пересчитали ягнят. Все были здесь, и ни одного раненого. 700 ягнят собраны! А вокруг протоптана дорожка. Протоптана ночью собакой, когда она делала бесконечные круги вокруг ягнят, собирая их.

Другая собака повела ягнят домой. Хогг шел сзади. Уставший, но довольный, с высоко поднятой головой он нес на руках свою собаку. Псина погонщика, полудикий щенок, из сострадания купленный за несколько монет, сторицей отплатил своему хозяину.

С этого дня она стала легендой. И до сегодняшнего дня нет большей чести для бордер-колли, чем сравнение его с Сиррой.

Последняя охота Дея

Над песчаными пустынями Патагонии сильными порывами дул ветер, когда холодным сентябрьским утром 1966 года группа всадников собралась на охоту за крупной дичью. В группу входили два охотника-профессионала из США — Рид и Рикхоф и три опытных всадника — ковбои с фермы. Руководил группой Амадео Било, местный фермер, разводивший аргентинских догов — эта порода собак выведена в Аргентине после целого ряда скрещиваний. Эти большие белые собаки, блестяще приспособленные к охоте, всегда сопровождали Било в походах подобного рода. Сегодня стая состояла из Деле, Диабло, Пиллона и любимица хозяина Дея. В фургоне следовали два американских кинооператора. Они должны были снять ряд сцен для рекламной ленты по заданию североамериканского общества — это было главной целью охотничьего похода.

Группа медленным аллюром ехала по заросшей скучной травой степи к долине, где защищенный от вечного ветра рос низкий кустарник. Долина эта была излюбленным местом обитающих здесь животных, главным образом пумы — дикой американской кошки, неправильно названной горным львом. Кроме того, здесь водились дикие кабаны — потомки привезенных в свое время из Европы домашних свиней. Во время катастрофического наводнения кабаны разбежались и расплодились теперь на всей

огромной территории страны. На севере Аргентины их быстро уничтожили из-за вреда, который они приносили людям. На юге же, где была только голая степь, пригодная для одних овец, их не трогали. Лишь иногда отстреливали несколько кабанов, чтобы хоть немного разнообразить еду, заменив вечную баранину.

Когда группа приблизилась к небольшому кустарнику, собаки начали возбужденно водить носами: они чувствовали добычу. Всадники, которые ехали за ними, обнаружили свежий след крупного кабана. Охотники и их помощники быстро окружили кустарник. Было дал собакам команду поднять и выгнать кабана.

Вскоре стал слышен возбужденный и громкий лай: собаки нашли кабана. Треск ломающихся веток указывал путь кабана, убегающего от преследователей. Два охотника держали наготове винчестеры. Было знаком попросил пока не пользоваться оружием. Он хотел показать киношникам своих собак в работе. Вдруг из кустов выскочил огромный черный кабан. У охотников захвачило дух. Такого великаны они никогда еще не видели. Большие, с сильным налетом зубы, оранжевые клыки показывали, что животное находится в расцвете сил. Кабан нагнулся голову и стал рыть землю передними копытами, готовый к борьбе. Облако пыли скрыло его бока, короткий хвост возбуждению дергался. Очевидно, он хотел отвлечь на себя внимание, чтобы обезопасить стадо.

В эту минуту из кустов выскочили собаки. Деле попробовал решительно атаковать, но кабан приготовился к бегству. Деле, прыгнув ему на шею, был отброшен. Так же и Диабло, который попытался схватить его за бок. Сильным ударом копыт кабан подкинул его в воздух. Дей и Пилон, более опытные, на почтительном расстоянии справа и слева бежали рядом с убегающим кабаном и выжидали момент для нападения.

Несмотря на огромный рост, кабан легко бежал к спасительным кустам. Было, заметив его намерение, пришпорил коня, чтобы отрезать ему путь к спасению. Перед самым кустарником кабан понял, что путь отрезан, и стал крутиться на одном месте. С лаем его окружили собаки, пытаясь схватить. Не раз черная громадина стряхивала с себя смелых догов, которые хотя и были довольно крупными (рост 65 сантиметров и вес 45 килограммов), но казались смехотворно маленькими по сравнению с ним. Несмотря на раны от клыков собаки не отставали от кабана. Было понял бесполезность неравной борьбы. Надо было скорее кончать. Он забыл об охотниках и съемках и думал только, как бы помочь собакам. Он вытащил длинный охотничий нож и пришпорил коня, намереваясь атаковать кабана внезапно, но конь не послушался. Дрожа и фыркая, чувствуя опасность, он медленно приблизился к кабану. А тот, завидев всадника, кинулся на него. В последний момент Было рывком повода смог предупредить удар клыков в грудь лошади. Он осадил лошадь, готовясь к новой атаке на выжидавшего кабана. Но на этот раз

конь вообще не послушался. Он приподнялся на задних ногах, сбросил всадника и быстро умчался.

Било ударился о землю головой и плечом о камень. Охотничий нож выпал из руки. С трудом он попытался подняться и вдруг увидел нападающего кабана. Тщетно он старался дотянуться до лежащего невдалеке ножа. Он слышал топот ног своего смертельный врага, уже чувствовал его противное дыхание и понял, что конец близок. Теряя сознание, Било успел лишь увидеть что-то белое над ним и услышать хриплое злобное рычание. И еще ему почудился дальний выстрел. Перед глазами поплыли черные круги, и он впал в забытье.

Придя в себя, Било увидел перед собой лицо Рида. С усмешкой американец процидил сквозь зубы: «Будь все проклято! Это было уж слишком, парень!» Он подхватил Било под мышки, помог ему подняться, уверяя, что у него нет никаких серьезных ран. И вдруг Било увидел своего любимца, который подполз к нему и весь израненный упал у его ног. На вопросительный взгляд Било американец ответил: «Когда конь сбросил тебя и кабан на тебя напал, я сразу поскакал на помощь, но расстояние не позволяло стрелять прицельно. Черная громадина готова была обработать тебя своими клыками, и тут вдруг вступил в бой твой смелый пес. Он прыгнул и вцепился в шею кабана. Тот отстал от тебя и решил избавиться от нового врага. Пес сопротивлялся стойко, защищая тебя от острых клыков кабана. Я застрелил эту черную скотину, но слишком поздно для твоего храброго друга».

Било обнял Дея и не произнес ни слова, пока не перестало биться сердце собаки. Другие участники охоты держались в стороне из уважения к горю Било. Затем Било с трудом поднялся и подошел к своим друзьям. Все тело его болело, но самая большая рана была в сердце. Слезы текли по грязным щекам.

Охотники уложили Дея на кожаную куртку Рида и отнесли четвероногого героя в фургон. Молча двинулись они домой, а ковбои остались разделять кабана.

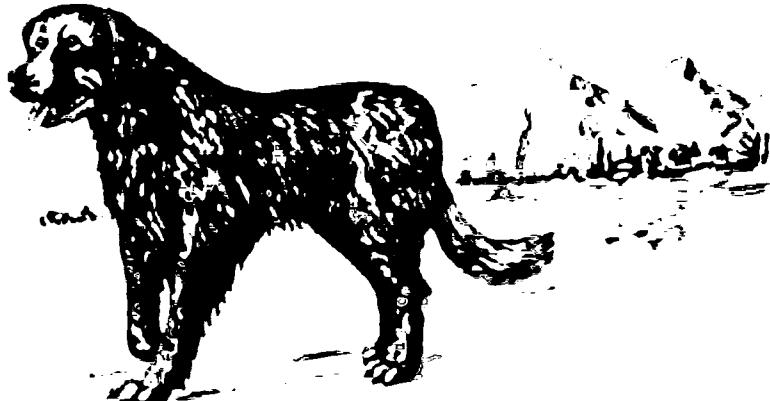
Мысли всадников все время возвращались к храброму псу — аргентинскому дому, который, не задумываясь, отдал жизнь за своего хозяина.

А ураганный ветер все так же дул над песчаной пустыней Патагонии.

Сэнг

В домике индуза близ тибетской границы я увидел впервые в жизни самых диких и впечатляющих собак. Это были тибетские доги, огромные псы, похожие на черных медведей: голова широкая, маленькие злые глаза близко посажены, острые морда... Не было ни малейшего желания слезать с лошади, пока они бегали на свободе и хозяин еще не утихомирил их. А когда они были привязаны, надо было наблюдать за длинной цепью и молить бога, чтобы она не порвалась. Это не собаки, а настоящие дьяволы, требующие к себе уважения.

Такой дьявол встретился мне однажды совсем неожиданно на одной из базарных улочек Леха. Это была улица мясников с тремя-четырьмя лавками, стоящими друг за другом, с тушами коз и овец, облепленными мухами. Отходами этой улицы питалась стая бездомных базарных собак разных помесей — настоящих бесстыжих попрошайек, бесхарактерных, привыкших к постоянным пинкам. Именно здесь я впервые увидел своего дьявола, которого до сих пор вспоминаю с болью, как друга, брошенного мной в далекой стране, и которого я никогда больше не увижу. Он зарычал на меня дико и угрожающе, как хищник, заставив отступить и искать палку или камень. Его налитые кровью глазаискрились зеленою злобой, выражая дикую ненависть к человеку. Гла-

за, так же близко посаженные, как у тибетских догов, что делает их похожими на медведей, но эти глаза были не маленькие и темные, а большие и светлые, как у волков. В общем, он был похож на породистых тибетских догов, но не черный, а, скорее, бурый. Медведи, тигры, волки — все хищники этих гор, казалось, смешили свою кровь, создав эту собаку ростом с теленка и с вечно оскаленными зубами. На базаре его звали Сэнг, по-тибетски «Тигр». Это был настоящий дьявол, но неописуемо дикой красоты. Никогда раньше я не влюблялся в животное с первого взгляда так сильно и так болезненно.

Сэнг лежал, прижавшись к земле, как тигр перед прыжком. Лопатки выделялись под густой шерстью, а на загривке шерсть стояла дыбом. Но он не прыгал. Он не мог. Это был несчастный калека, раздробленная кость его сломанной передней правой лапы, размозженной в борьбе с волками, торчала из-под кожи.

Когда-то он был караванной собакой. Еще недавно он провожал караваны из Яркенда через льды Каракорума, пока несчастье не уничило его до общения с этими недостойными псами базара. Теперь я понял его немыслимую злобу — этот протест против судьбы, столкнувшей его так низко.

Сэнг хорошо понимал по-туркестански и по-тибетски, но все же я попробовал с ним побеседовать по-немецки. Я объяснил ему, что понимаю его несчастье. Его отвага не вызывает никаких сомнений — ведь волки нападают, как известно, только стаей. Я выразил ему свое уважение и сожаление. И Сэнг понял. Он слушал внимательно, жадно, так же как слушали любопытные, которые столпились вокруг и удивлялись, как это европеец не считает ниже своего достоинства разговаривать с псиной, покалеченной волками. А может быть, я умел говорить по-арабски? Во всяком случае мы — Сэнг и я — поняли друг друга очень хорошо. Злобный огонек в его глазах погас, вздыбленная шерсть разгладилась. Он еще показывал зубы, но постепенно превратился из кусачего дьявола в обычновенную собаку. Когда я хотел к нему подойти, люди испуганно потянули меня назад.

Мясные лавки в это время были закрыты, но рядом находилась булочная. Я купил несколько хлебцев для Сэнга и предложил ему. Он подполз недоверчиво и неуверенно: вдруг я плохой шуткой решил сделать его общим посмешищем? Все же он съел хлебцы с благодарным взглядом, наблюдая за мной внимательно и немного озадаченно. Он хорошо понял, что мои действия были необычными и что в его жизни наступила какая-то новая эпоха. Отверженный и униженный, он вновь почувствовал уважение со стороны человека.

Почти ежедневно моя дорога пролегала через базар, и я часто видел там Сэнга, иногда даже дважды в день. Я угощал его хлебом или костями, взятыми с собой из бунгало. Иногда он спал в тени какого-нибудь дома, даже во сне сохраняя горестное выражение на морде и вздрагивая от боли в раненой лапе. Услышав

мои шаги, он немедленно просыпался. Он знал мои шаги. Потом он стал отзываться на короткий свист, и всегда проходило всего лишь несколько секунд, когда он вдруг откуда-то выныривал. Он выражал свою благодарность и преданность, стоя передо мной, внимательно глядя и легко повиливая пушистым хвостом. Иногда он недалеко провожал меня, сначала неуверенно, нерешительно из опасения показаться назойливым. На базаре удивлялись нашей странной дружбе. Торговцы, сидящие в своих лавках, наблюдая за возрастающим доверием пса, подозревали во мне особенные чары. Таким образом, в глазах жителей Леха я стал кем-то вроде святого.

Однажды случилось действительно необычайное: Сэнг появился вдруг у ворот бунгало. Мой друг следовал за мной незаметно, прихрамывая, по крутой тропинке. Между прочим, заживление лапы шло в последнее время очень успешно, и, хотя раздробленная кость превратилась в жуткий узел с кулак величиной, Сэнг уже иногда пытался наступать на больную ногу. Когда появилась его удалая широкая голова во дворе бунгало, среди моих слуг начался переполох.

«Сахиб, Сэнг пришел!» — Это звучало так, как будто король Ладок удостоил меня честью своего визита. Я, очень обрадованный, поздоровался с Сэнгом и пригласил его войти, но он не двинулся с места. Что-то в его памяти сопротивлялось тому, чтобы войти в закрытое помещение. Повар принес ему лакомства, и Сэнг наслаждался угощением и хорошим приемом. Его визит длился долго, ему неудобно было спешить. Здесь впервые я посмел дотронуться до Сэнга. Когда моя рука приблизилась к его голове, он беспокойно покосился, зарычал, наморщив нос, возбужденно дыша через открытую пасть. Он хотел меня предупредить, потому что сам я не знал, что будет дальше. Но когда я спокойно с ним заговорил, он начал вилять хвостом и... свершилось! Видно, все-таки человеческая рука его касалась! Давно, давно такого не было. Вначале он был неспокоен, встревожен. Он не мог этого постичь, а дальше уже с удовольствием принимал ласку, ворчал, выражая благодарность, но иногда и рычал: в конце концов все имеет свои рамки. Впрочем, он ведь был караванной собакой, а не каким-то пекинесом, вывешивающим язык от счастья, когда чешут за ухом.

После моего ухода Сэнг еще полчаса сидел около двери бунгало, и никто не смел войти или выйти со двора. Потом он тихо заковылял прочь. Может быть, когда-то, в его молодости, был в лагере европеец, путешественник или охотник, и его привязанность ко мне этим и объясняется?..

Сэнг навещал меня несколько раз в день. В дальнейшем он даже осмелился дойти до веранды бунгало. Мои слуги почтительно избегали встречи с ним.

Близился час прощания с гостеприимным Лехом. Мне несложно было расстаться с моими друзьями, но тяжелее всего было

расстаться с Сэнгом. Садясь на лошадь во дворе бунгало, я думал, что лучше с ним не прощаться и избежать тяжелой минуты расставания. Это было бы самым удобным. Когда он придет в бунгало и не найдет меня, то поймет, что караваны приходят и уходят. Я нарочно поехал большим базарным путем, а не через улицу мясников, где обычно обитал мой друг. Я осмотрелся. Раннее утро, почти никого нет на улице, и вдруг я увидел Сэнга. Он спал рядом со стаей бездомных собак, выпрямив большую ногу с толстым узлом. Увидев его еще раз, я обрадовался, но надеялся проехать незамеченным. Стучали копыта лошадей, орали погонщики. Сэнг был караванной собакой, и такой шум пробудил бы его даже от глубочайшего сна. Даже умирая, он навострил бы уши и еще раз открыл глаза. И, конечно, Сэнг проснулся. Украдкой, с нечистой совестью, я повернулся в седле и увидел, как он рывком вскинул голову. Очевидно, он увидел мою лошадь, быстро поднялся, насколько позволяла больная нога, и начал меня высматривать. Я был уже довольно далеко от него, и, сделав вид, что не замечаю его, удалялся вероломно и предательски. Мне и сегодня еще стыдно, но это мне показалось лучшим решением в данной ситуации: зачем Сэнгу причинять ненужную боль? И, кроме того, у меня были и другие проблемы.

Я продолжал свой путь через ворота Леха, и моя лошадь осторожно ступала по каменистой тропинке, ведущей вниз, к безжизненной пустыне, разделяющей Непал и Индию. В пустыне собирается караван и начинает свой медленный путь, делящийся дни и недели. Добравшись до края пустыни, я обернулся в последний раз посмотреть на расположенный высоко в горах Лех. Как же я удивился, увидев вдруг появившегося наверху Сэнга! Он стоял с поднятыми ушами и смотрел вниз на меня.

Теперь было невозможно уйти, не простишись. Страстно хотелось мне еще раз посмотретьеть в его чистые дикие глаза, поговорить с ним. Я засвистел наш мотив и поднялся опять наверх. С трудом Сэнг приближался ко мне. Он, хромая как можно быстрее по скалам, спустился, посмотрел на меня с немым вопросом в глазах, возбужденно и быстро виляя хвостом. Я заговорил с ним, а он начал громко лаять, и я хорошо понял, что он хотел мне сказать. Он обличал меня в предательстве и неверности. Сколько раз он видел меня едущим верхом через базар и знал, что я приду. Но сегодня, увидев тяжело нагруженных лошадей, он понял, что они будут идти до самого вечера. На следующий день пойдут дальше. Где меня тогда искать? Нет и нет! Никогда я не вернулся бы, никогда! Горе морщило его лоб. Неужели у меня нет сочувствия? Вся моя дружба — ложь? Он хочет идти со мной куда угодно и охранять мою палатку. Тоска засветилась в его глазах, тоска по каравану, по шуму палаток, запаху лошадей, жизни лагеря. Идти с нами! Да, да! Как-нибудь, несмотря на хромоту, которая со временем пройдет.

«Будь умницей, Сэнг! Ну, послушай!» Все громче лаял Сэнг

и был хвостом. Нет, нет, он не хочет слушать. «Слушай, Сэнг, слушай меня. Что ты понимаешь в этом мире! Здесь, в горах, все, конечно, сойдет. А другие страны со своими законами, мореходное общество — что ты об этом знаешь? Так лучше для тебя и меня, я долго об этом думал, поверь мне, иначе я взял бы тебя с собой, на моей лошади. Сэнг, я клянусь!». Сэнг внимательно слушал, он не сводил своих глаз с моих губ. Он вилял хвостом, рычал, но стал спокойнее. Какая-то искра надежды светилась в его глазах. О, он меня не понял! Злой рок не дал нам понять друг друга. Не было переводчика между нами, и поэтому он не мог понять меня. Но когда я еще раз к нему нагнулся и повернулся коня, он все понял. Рухнула его надежда! Он стоял не шелохнувшись. Он окаменел, поняв неотвратимость... Он захромал сзади меня. Я погнал лошадь, чтобы догнать караван, который уже далеко-далеко полз по бесконечной каменной пустыне.

Сэнг быстро отстал. Он начал лаять, хрюплю и ужасно. Я видел, как сотрясалось его мощное тело. Свое разочарование, горе и отчаяние он выкрикивал в пустыню, свое обвинение, укоры.. Моя дружба была ему утешением и радостью, а теперь он оставался одинокий, без всякой надежды. Нет, нет, вернись! Боль терзала его мужественное сердце. Я еще долго слышал его лай, хотя уже не было видно и скал.

Я не забыл ни одного из тех слов, которые он кричал мне вслед в безлюдной каменной пустыне.

Мой друг, учитель из Леха, сопровождал меня несколько суток. Через много недель я получил от него письмо. На обратном пути он встретил Сэнга недалеко от монастыря Спирттуг, что в трех часах езды от Леха. Сэнг все еще хромал вслед за мной. Сколько же времени он, прихрамывая, шел по каменной тропинке, пока не понял всю безнадежность и не повернулся назад?..

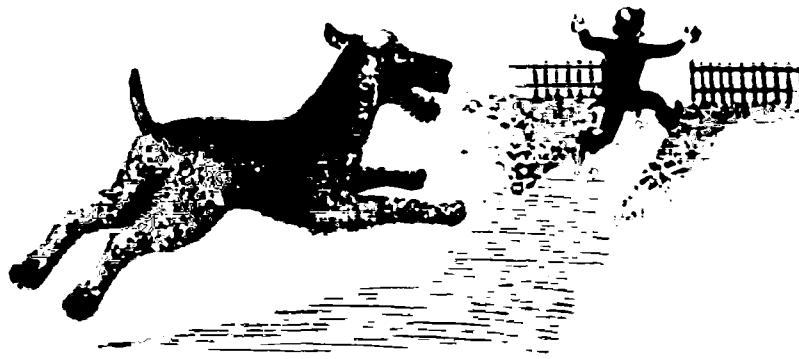
Джеймс Турбер

Собака, которая кусала людей

Вообще одному человеку в течение жизни не надо иметь столько собак, сколько имел я. Правда, собаки приносили мне больше радости, чем неприятности, за исключением одной из них — эрделя по имени Маггс. От него больше печали, чем от всех остальных собак, вместе взятых.

Если говорить точно, то это был не мой пес. Летом я приехал домой на каникулы и выяснил, что, пока меня не было, мой брат Рой купил эрдэльтерьера. Это был крупный, сильный и коварный пес. Он вел себя так, как будто не считал меня членом семьи, а надо сказать, что это было все же маленьким преимуществом — быть членом семьи, потому что своих он не кусал так часто, как чужих. Все же за те годы, которые он у нас провел, он укусил каждого из нас, кроме мамы, хотя однажды он попробовал укусить и ее.

Это случилось тогда, когда у нас появились мыши, а Маггс категорически отказывался обращать на них внимание. Ни у кого никогда не было такого количества мышей, как у нас в тот месяц. Мыши вели себя как ручные, прямо-таки дрессированные! Они были такие доверчивые, что однажды вечером, когда должны были прийти на ужин члены клуба, в котором мама с папой состояли

уже 20 лет, маме пришлось поставить в кладовой на полу множество маленьких тарелочек с кормом, чтобы мыши не прибежали в столовую, а сидели бы в запертой кладовой. Маггса оставили вместе с мышами. Он лег на пол и порыкивал иногда, но не из-за мышей, а из-за множества людей, находящихся рядом в столовой, которых он с удовольствием бы укусил.

Спустя какое-то время мама пошла в кладовую проверить, как там дела. Там все было в порядке! Маггс лежал, не обращая внимания на мышей, которые уже поели и бежали навстречу маме. Мама очень рассердилась и шлепнула Маггса. Он бросился на нее, хотел укусить, но передумал. «Ему сразу стало жаль,— сказала мама.— Ему всегда жаль, когда он кусает»,— говорила она. но мы не могли понять, откуда она это знает. В конце концов, не было для этого никаких доказательств.

Каждый год к рождеству мама посыпала коробку шоколадных конфет тем, кто был укушен Маггсом. В специальном перечне было более сорока фамилий. Никто не мог понять, почему мы не хотим расстаться с ним. Я тоже, вообще-то, не мог понять почему, но мы его оставили. Мне кажется, кто-то, возможно, пробовал его отравить: иногда он вел себя, как отравленный. Старый майор Моберит стрелял в него рядом с гостиницей Сенеца на Ист-Брод-улице из служебного револьвера, но Маггс дожил почти до 11 лет. И даже когда от старости его уже пошатывало, он укусил члена Конгресса, который пришел к моему отцу по делам. Мама всегда недолюбливала этого джентльмена. «Знаки его гороскопа показывают, что ему нельзя доверять. С таким человеком я не хотела бы иметь дела,— говорила она.— Маггс видел его насквозь, читал, как в открытой книге». Но к следующему рождеству мама послала конгрессмену коробку конфет. Он их тут же вернул, считая, что над ним подшутили. Мама сама себя убеждала в пользе этого укуса, хотя отец и лишился важной деловой связи.

Мы кормили Маггса по очереди, надеясь заслужить его благосклонность, но это не всегда нам помогало. У Маггса никогда не было хорошего настроения. Никогда никто не знал, что с ним такое. Но что бы это ни было, он был просто злюкой, особенно утром. Брат Рой тоже чувствовал себя с утра неважно, особенно перед завтраком. Однажды, спустившись вниз и увидев изжеванную газету и угрюмого Маггса, Рой ударил его грейпфрутом прямо в морду. Пытаясь спастись на обеденном столе, он раздавил посуду, пролил кофе. Прыгнув, Маггс пролетел через весь стол прямо в железную ширму перед газовым камином. Но он тут же сориентировался, поймал Роя и укусил за ногу. На этом он успокоился. Маггс кусал только один раз. Мама всегда напоминала об этом для его оправдания. Она говорила о его, правда, немногого вспыльчивой, но не злопамятной натуре. Она всегда его защищала. Я думаю, мама его любила и жалела потому, что он чувствовал себя не очень хорошо. «Он не очень сильный»,— сочувствовала

она ему, но это было неточно. Возможно, у него действительно было плохое самочувствие, но он был невероятно силен.

Однажды мама пошла в гостиницу «Циттенден» к одной даме, преподающей в Колумбусе «гармонические движения». Она хотела узнать, можно ли применять это учение для собак. «Он большой рыжий эрдель», — объяснила мама. Дама сказала, что она еще никогда не лечила собак, но рекомендовала маме концентрировать мысли: «Он не кусает и не будет кусать». Мама попробовала концентрировать мысли на следующее утро, и тут же Маггс укусил продавца льда. Но мама считала, что продавец виноват сам. «Если бы Вы не думали о том, что он Вас укусит, он этого не сделал бы», — сказала она продавцу. Он же, ужасно «негармоничными движениями» ухромал из нашего дома.

Как-то утром, когда Маггс меня слегка куснул — так просто, мимоходом, — я схватил его за хвостик-обрубок и поднял в воздух. Это была глупая затея, и когда я последний раз видел маму полгода назад, она сказала, что так и не поняла, что в меня тогда вселилось. Я этого тоже не знаю, только я был очень зол, и, пока держал его за хвост, он меня не мог укусить. Маггс дергался и рычал. Я понял, что долго мне его не удержать, и отнес его на кухню, бросил и успел закрыть дверь в тот момент, когда он на меня кинулся. Но я забыл про заднюю лестницу. Маггс взбежал по ней наверх, потом по другой лестнице спустился вниз и поймал меня в гостиной. Я только успел прыгнуть на каминную полку, но она рухнула подо мной на пол вместе с мраморными часами и несколькими вазами. Маггс был так напуган шумом, что исчез, пока я выбирался из-под обломков.

Мы его нигде не могли найти, хотя и свистели, и кричали, пока вечером после ужина не пришла старая мисс Детвейлер. Маггс однажды уже укусил ее за ногу. Он вошла в гостиную только тогда, когда мы ее уверили, что Маггс исчез. Мисс Детвейлер села на стул, и тут же послышалось рычание и Маггс с большим трудом вылез из-под письменного стола, где он тихо прятался. И конечно же он опять укусил старую даму. Мама осмотрела укус, смазала его йодом и успокоила мисс Детвейлер: «Он Вас только ударил». Но мисс Детвейлер покинула наш дом в очень скверном настроении.

Многие жаловались на нашего эрделя в полицию, но у отца в то время была влиятельная работа и хорошие отношения с полицией. Все же полисмены приходили несколько раз: то он укусил миссис Руфус Стургевайт, то губернатора Мэллоя. Но мама мне всегда говорила, что это вина не Маггса, укушенные виноваты сами. «Когда он на них бросается, они кричат, — объясняла она, — а это его раздражает». Полисмены советовали привязывать пса, а мама сказала, что это унижает и тогда он не будет есть.

Необычным зрелищем было кормление Маггса. Он кусался, когда мы нагибались, поэтому мы ставили миску на кухонный стол и подвигали скамейку. Он стоял на скамейке и ел. Я помню,

как мамин дядя Горацио был вне себя, когда увидел собаку за столом. Он сказал, что не боится никаких собак в мире, и сам захотел поставить миску на пол. «Дайте ее сюда, дайте сюда миску, я сам поставлю этой сволочи миску на пол», — кричал он. Рой очень хотел дать дяде шанс, но отец был категорически против. Он говорил, что собаку уже накормили. «Я его еще раз накормлю», — ворчил дядя. Нам с трудом удалось его успокоить.

Свой последний год жизни Маггс провел в основном на улице. Почему-то он не хотел находиться дома. Может быть, неприятные воспоминания? Во всяком случае было очень трудно его заставить войти в дом. Следовательно, ни мусорщик, ни продавец льда, ни посыльный из прачечной не могли приблизиться к дому. Мы вынуждены были тащить мусор до угла, саминосить и забирать обратно белье, а продавца льда встречать подальше от дома. Через некоторое время нам это надоело. У нас появилась гениальная идея, как заставить пса войти в дом, где его можно было хотя бы запереть, когда приходил кто-нибудь. Маггс боялся только грозы. Гром и молния ужасно пугали его. (Я думаю, и тогда, когда я свалился с каминной полки, он решил, что это начало грозы.) Когда начинается гроза, Маггс летит в дом, чтобы спрятаться под кроватью или в шкафу. Теперь мы смастерили «громовую машину» из железного листа с деревянной ручкой сбоку. Эту штукку мама трясла, когда надо было заманить Маггса в дом. Конечно, гроза получалась отличная, но все же это была очень трудоемкая система и маме приходилось очень много и сильно ее трясти.

За несколько месяцев до смерти Маггс начал видеть призраки. Он медленно поднимался, тихо рычал и угрожающе топал на негнувшихся ногах на... никого. Иногда бывал этот «никто» справа или слева от какого-то посетителя. Однажды продавец щеток дошел до истерического приступа: Маггс приковылял в комнату, как Гамлет за духом отца. Его глаза смотрели чуть левее продавца щеток, который стоял на месте до тех пор, пока Маггсу не осталось три маленьких шага до него. Тогда продавец дико закричал. Маггс глухо зарычал и, как лунатик, прошел мимо него по проходу. Но продавец продолжал орать. Маме, чтобы успокоить орущего, пришлось опрокинуть ему на голову миску холодной воды. Нас в детстве она успокаивала так же, когда мы дрались.

Маггс умер неожиданно ночью. Мама хотела его похоронить в семейном склепе под мрамором и надписью вроде: «Небесные хоры поют для твоего покоя», но мы смогли ее убедить, что это против закона. В конце концов мы похоронили его около тропинки в саду и на доске над могилой сделали надпись: «Cave Sapem» («Берегись собаки»). Мама очень довольна классической простотой и достоинством старой латинской эпитафии.

Китти Ритсон

Тури и его КОНЬ

Туман стелился над улицей. Дик Престон вышел из машины и потянулся. Он был совсем разбит и сделал несколько освежающих упражнений. Вспомнив о маленькой собаке в корзине, он решил выпустить ее немного погулять. Открыв крышку, он посмотрел в корзину и крепко выругался: корзина была пуста, а в боку ее виднелась небольшая дырка.

Дик помотал головой, стараясь припомнить, где мог исчезнуть пес. Потом вспомнил: полчаса назад он останавливался проветрить мотор. Ему не пришло в голову, что пес может прогрызть корзину и вылезти из машины. Дик не знал, с какой собакой имел он дело.

В это время Тури — финский шпиц, хвост колечком, острые уши, цвет лисицы — сидел на траве и осматривал окрестности. Ему было 4 месяца. Его темные глаза с любопытством, но без особого беспокойства разглядывали новую местность. Большинство молодых собак боится одиночества, но финский шпиц не знает слова «страх». Он всегда очень осторожен и при этом очень самоуверен. Только сегодня его взяли у заводчика. Дик Престон купил его в подарок своей невесте. Тури решил, что корзина довольно неудобная, и мгновенно прогрыз ее. А уж выскочить из машины не составило труда, пока голова мужчины была под капотом. Тури не видел особой причины оставаться с этим человеком.

Спустя четверть часа Тури вошел под защиту леса. В своей короткой жизни он не слишком часто бывал среди дикой природы и поэтому не знал, что нужно стараться быть незаметным. Добравшись до зарослей, он потратил несколько минут на чистку лап и шерсти. Потом поймал мышь, съел ее, свернулся калачиком и заснул. Разбудил его голос Престона. «Иди же, хороший, маленький, иди ко мне», — заманчиво звучало где-то неподалеку. Тури выследил своими черными глазами мужчину, но не пошевелился. Не было никакого повода подчиняться этому голосу, ничего не значащему для него. Он очень хорошо знал, где его дом, несмотря на более чем двадцатикилометровое расстояние до него. Потом он повернет свой черный нос на родину, но пока он был совершенно счастлив.

Дик звал, кричал, ходил взад-вперед, потом выругался. Немигающими глазами собака наблюдала за ним. Глаза у нее такие же, как у ее родственников — лапландских лаек. Даже нос собаки не двигается. Наконец мужчина ушел. Он был взбешен: он заплатил за собаку большие деньги — это редкая порода в Англии, — но что было делать?

Тури полежал еще немного. Глубокий покой струился над миром, миллионы звезд высыпали на небе, и Млечный путь — индийский «волчий след» — выглядел бледной серебряной полосой. Начали шевелиться лисы. Прошла лисица с двумя лисятами, она увидела собаку, но не обратила на нее внимания. Тури расправился, он поччял огонь, а костер пробуждал в нем инстинкт предков. На маленьких рыжих лапках он легко двигался через лес, пока не увидел отблеск огня. И еще пахло едой. Тоска по родине беспокоила его, но прежде чем окончательно двигаться домой, надо было осмотреться.

Добравшись до края леса, Тури осторожно принюхался и тихо пополз дальше. Там, у фургона, были люди, но это его не беспокоило. Тепло костра манило его. Он был умен, но он был еще только щенком и не заметил присутствия сторожевой собаки. Собака же выскоцила, схватила его и молча затрясла, и лишь счастье Тури спасло его шею от перелома. Щенок завизжал так громко, что цыган подскочил и в две секунды спас Тури. Впрочем, это был не цыган, а скорее безработный, бродящий по улицам и живущий на подаяния. Он погладил малыша, свернувшегося в красный комочек, и Тури быстро успокоился.

«Ты выглядишь, как лиса», — проговорил мужчина, но тем не менее не принял щенка за лису, как это делают многие. Он дал Тури кусок мяса, который тот целиком проглотил, и забрал его в фургон. Там воздух был замечательно густой и теплый. Тури уютно улегся — нос под хвостом — на куске мешковины. Ни одно настояще дитя природы — человек или животное — не уважает ночной воздух, это любят скорее городские обитатели.

Следующее утро предвещало прекрасный июньский день. Мужчина с интересом рассматривал Тури. «Ты странное существо», —

сказал он, но понял, что перед ним породистый пес. Маленькая собачка ему очень понравилась, но таким, как он, бродягам нельзя иметь что-то ценное, даже приобретенное самым честным путем. Поэтому он решил, что будет умнее потерять Тури. Он его больше не кормил, но все же привязал свою собаку под фургоном, чтобы она на трогала маленького шпица. Мужчина не знал, что он ехал в том направлении, где был дом Тури. Поэтому Тури довольно долго семенил рядом с фургоном. Порой он исчезал на несколько минут, а однажды появился, волоча за собой молодую курочку. Она была еще жива, мужчина быстро осмотрелся и прикончил ее. Он усмехнулся: «Тебя еще обучать надо, малыш. Охотишься хорошо, но убивать и приносить добычу надо тайно, не среди белого дня. Из-за тебя у меня будет куча неприятностей, мне нужно от тебя избавиться».

Когда они проезжали мимо больших каменных ворот, Тури захотел заглянуть туда. Мужчина воспользовался случаем и кинул камень в щенка. Такого финский шпиц никогда не забудет. Тури посмотрел на мужчину суженными черными глазами и опустил хвост, а потом засеменил дальше.

За крутым поворотом дороги Тури оказался у других ворот, через которые шли верховые лошади. Тренер, сидя на своем коне, наблюдал за ними. Сначала шли взрослые, более спокойные, потом молодые лошадки с конюхами. Молодые тоже были достаточно спокойные и смиренные, кроме одного крупного красивого жеребца, глаза которого были темными, как у Тури. Он крутился и поворачивал голову, пугался и потел. Билл Турмер, его тренер, вздохнул. Этот двухлеток — лучшее животное завода, но он пуглив, как и его мать, и невозможно раздражителен. Вот так всегда!.. Не успеешь получить обнадеживающие результаты, как начинаются капризы — и все пропало!

Конюх повис на поводе двухлетки, а когда лошадь поднялась на дыбы, повернулся и стал смотреть ей в глаза. «Не смотри на него! — раздраженно кричал Билл Турмер, — ничего другого не можешь сделать?!». Лошадь попятилась, фыркая и потея. Билл Турмер тихо выругался.

Тури, на которого никто не обратил внимания, понравился запах лошадей, поэтому он беззаботно перешел дорогу и сел по-особому, так, как садятся только финские шпицы, когда они рассматривают «жизнь». Его темные глаза не мигали, только дрожал носик. Конь увидел щенка, остановился и посмотрел на него в упор. Тури не шелохнулся, пока не прошли все лошади, а потом побежал за жеребцом, который забыл все свои капризы и спокойно шел дальше.

— Что это? — удивился Билл Турмер, — Лиса?

— Не знаю, сэр, скорее похоже на собаку.

— Ладно, иди дальше, жеребец в него влюбился, кто бы это ни был.

Когда дошли до тренировочной площадки, Турмер сказал трем конюхам:

— Только не гоните. Слушайте: медленный галоп!

— Да, сэр.

Тренер наблюдал за молодняком, следовавшим за старой лошадью, потом опять выругался, когда заметил Тури далеко впереди, и облегченно вздохнул, увидев исчезающего в кустарнике пса. Он не любил собак на тренировке: они нервировали молодых лошадей.

Лошади галопом двигались мимо него. О боже! Как хорош молодой жеребец Санбрайт! Он шел ровными длинными шагами, насторожив уши, со спокойным взглядом. Его шерсть действительно светилась, как солнце. Ведь «Санбрайт» означает «яркий свет». Что-то было в нем особенное. Если бы только судьба была благосклонна к нему!

Конь прошел через луг до конюхов и заметил Тури: маленький гном в тени кустарника! Пес потопал через газон, а Санбрайт вытянул ему навстречу голову и заржал.

— Отведите их домой! — приказал Билл, — и если эта штучка захочет с ним уйти — пусть. Дайте ему что-нибудь поесть. Санбрайт действительно влюбился в него!

Лошадей отправили в конюшни, и Тури шел рядом с Санбрайтом. Не было ни следа усталости в гордо поднятом хвосте, хотя в нем еще не было той пушистой красоты, как у взрослой собаки. Песик стоял посреди двора, пока конюхи работали, а потом прошествовал в денник Санбрайта, улегся в углу и свернулся клубочком на золотой соломе, цветом так похожей на его шерсть. Скоро он заснул. Санбрайт почуял корм, повернулся к нему и начал есть. Когда конюх вернулся, корма не было, Санбрайт стоял спокойно.

— Нет, не может быть, — сказал конюх. — Что с ним случилось?

Обычно Санбрайт был невероятно капризен, обнюхивал корм и привередничал так, что у тренера и конюхов разрывалось сердце. Парень доложил первому конюху радостную новость, и тот пошел убедиться сам. В это время Тури проснулся, потянулся, сел и стал смотреть на Санбрайта. Тот нагнулся голову, фыркнул на пса. Тури чихнул, но не шелохнулся.

— Да... — сказал старый Билл, выразив свои чувства коротко и ясно. — Слышал я о лошадях, помешанных на козах или еще на ком-нибудь. Но кто же мог подумать такое о Санбрайте? Ладно, накормим эту штучку. Если он что-то вроде талисмана, то надо его кормить. Он полулиса, скажу я вам.

Что бы ни думали о происхождении Тури, все, начиная с Билли Турмера, благословляли его. Они кормили его самым лучшим, но он ел мало. Его шерсть закраснела и стала густой, хвост стал восхитительным, загнулся вперед и прижался к желтоватому боку. Пес еще не достиг полного роста, но ежедневно подрастал. Его монгольские раскосые глаза были очень красивы. Разве он не был «Тури Респоспойка», что значит «Тури, сын Респос»? Раз-

ве за ним не стоял ряд предков, таких же гордых и красивых, как и предки Санбрайта? Разве не охотились они в дремучих финских лесах и не рисковали жизнью в борьбе с могучим медведем? Он был «Тури-красавец», даже если его в конюшне звали «фокси».

Единственным человеком, возможно, имевшим представление о ценности Тури, был Билл Турмер. Через неделю после появления пса он прочитал в трех газетах объявление, из которого понял, что джентльмен Дик Престон жаждет выяснить местонахождение шпиона. Было еще объявлено о большой награде. Однако Билл Турмер мечтал о более значительном вознаграждении, потому что после появления Тури Санбрайт изменился в лучшую сторону. Он не принюхивался к корму, а ел! Пока Тури был рядом, конь на тренировке становился послушным и ручным, но если Тури исчезал хоть на день, ну, например, он отправлялся на охоту, то Санбрайт отказывался от еды, видел тени там, где их не было, пугался, повергая всю конюшню в отчаяние.

Большие надежды Билл Турмер возлагал на Санбрайта. Лишь бы только удалось переломить его характер! Радужные мечты Билла о большом выигрыше на осенних скачках в Донкастере от одной мысли о потере Тури мгновенно тускнели. Он сжег газеты с объявлением, обещал сам себе в случае победы назначить Дику Престону такую сумму, которая заставила бы его забыть о воровстве Билла Турмера.

Шло время, и с ним уходили тяжелые думы о Дике Престоне. Тури все время находился рядом с Санбрайтом или носился неподалеку в дюнах. Он никогда не путался под ногами, но и не уходил далеко и, словно маленькая нянька, сидел рядом, пока Санбрайт ел.

Однажды Тури появился в домике Билла Турмера во время чаепития. Он устроился на ковре и решил вздремнуть. Билл предложил ему печенье. Прежде всего Тури тщательно его обнюхал, поиграл в «мышку», потом «кубил» ее и только после этого съел. Но он не попрошайничал. С этого дня чайные визиты к Биллу стали ежедневными. Это было в послеобеденные часы, когда Санбрайт дремал в своем деннике.

Проходили недели, и надежды Билла возрастали. Санбрайт окреп, несомненно подрос, перестал раздражаться по пустякам. Как хотелось бы победить в Донкастере! Одна победа повлечет за собой другую. А самое главное, что счастье пока еще ни разу не улыбнулось Турмеру. У него было много хороших лошадей, но всегда чего-то чуть-чуть не хватало или в последнюю минуту случалось что-то непредвиденное. Он рисковал всем, что у него было, и без боя не сдавался. Но существует предел, когда даже самый сильный человек теряет надежду на победу.

Санбрайт был в форме, точно в форме. Но кто знает, как сохранить эту форму в самый ответственный момент. На всю конюшню легла атмосфера напряженного ожидания.

— Пес будет сопровождать Санбрайта, сэр? — спрашивал старый Боб.

— А как же,— отвечал тренер.— Без собаки нам лучше оставаться дома.

Тури стал настоящим красавцем. Прекрасная шерсть легла воротником вокруг шеи, она была цвета опавших листьев бука, светлая к лапам и под хвостом до белизны. Билл рассматривал Тури за неделю до скачек, стоя посреди двора. Он вздрогнул, когда Боб задумчиво проговорил:

— Кто бы мог подумать, что эта штучка вырастет таким красавцем. Видно, что-то хорошее за ним стоит. Это не помесь. Я бы не удивился, если бы выяснилось, что он таких же хороших кровей, как наш Санбрайт.

— Ну, не знаю,— отрезал Билл.— Скорее он похож на перескочного померанского шпица,— и быстро сменил тему.

В один из дней тренер отправился в Лондон и возвратился поздно вечером. Следующее утро обещало прекрасный сентябрьский день. Билл, посвистывая, сел на лошадь, пустив ее галопом, он достиг тренировочного луга, увидел Санбрайта и еще четырех лошадей. Сразу понял, что что-то не так, и подошел к Бобу.

— Что с Санбрайтом? — спросил он, надеясь, вопреки предчувствию, на положительный ответ: «Ничего, сэр, все в порядке».

— Собака не вернулась,— сказал старший конюх удрученно,— Санбрайт к еде не притронулся и с утра в плохом настроении. Сладу с ним нет!

— Это должно было случиться... Да, можно оставлять Санбрайта дома, и ничего тут не поделаешь...

Боб кивнул. Он был такого же мнения. Незачем было больше об этом говорить.

— Не понимаю, почему никто не мог уследить за собакой? — выпалил Билл раздраженно, хотя сам знал, что несправедлив. Но это было слишком сильным ударом, чтобы выбирать слова.

В конюшне все были в отчаянии. За два дня Санбрайт потерял вид.

— Пусть не работает,— сказал Билл,— это лучше, чем мучить его в таком состоянии. Если в течение суток пес вернется, у нас будет шанс. Но он не придет, знаю я свое «счастье»!

Но он ошибся. Его «счастье» вернулось. На четвертый день что-то грязное вползло во двор. Язык Тури был сух, одну заднюю ногу он волочил за собой, глаза помутнели, но... он пришел домой! Боб увидел его первым и подскочил к нему. С необычайной нежностью он взял его на руки.

— Беги, скажи старику,— крикнул он. Через три минуты появился Билл.

— Сшибли машиной и бросили,— установил он. Конюхи возмущались, виновный водитель познакомился бы с судом Линча, если бы его поймали.

— Немедленно позовите мистера Стайнтона,— сказал Билл и осторожно поставил Тури на ноги. Мутные глаза пса открылись, он сделал попытку добраться до денника Санбрайта. Билл отнес

его в конюшню и уложил в угол. Там он лежал, вытянувшись и тяжело дыша. Санбрайт сразу повернул голову к нему и нежно заржал.

— Будь осторожен с ним! — говорил Билл, но это было лишним. Санбрайт, осторожно двигаясь, подошел к собаке, и тут же высунулся маленький распухший язычок Тури. Тренер взял чашку молока и приблизил ее к горячей морде собаки. Пес начал лакать, после каждого глотка тяжело дыша. Он вылакал все!

Билл забыл про скачки. Он лишь смотрел на Тури с тем уважением, которое испытывают все порядочные люди перед храбрецами.

— Мой маленький спортсмен, — шептал Билл и наклонял к нему чашку. Тури вытянулся, вздохнул и, немного поскулив от боли, заснул. Через полчаса ветеринар уже осматривал его, сомневаясь: — Он слишком разбит, я не могу сказать, есть ли внутренние повреждения, но мне кажется, что ничего ужасного нет. Надо ему дать покой и покормить тем, что ему захочется.

— Экстракт Бранда и молоко, — предложил Билл, и ветеринар кивнул.

— Я бы его отсюда убрал. Лошадь может наступить. — Но Билл отрицательно помотал головой:

— Я думаю, это Санбрайт вернул его домой, — и рассказал ветеринару всю историю.

— Дважды я такое уже слышал, — ответил тот. — Это заставляет задуматься. Я не могу себе позволить быть сентиментальным, но такое вызывает удивление. — Ветеринар ответил на немой вопрос в глазах Билла: — Подождите, посмотрите, как он себя будет чувствовать в день отъезда Санбрайта в Донкастер. Руководствуйтесь тем, что вам подскажет сам пес.

С возвращением Тури они поменялись ролями. Теперь Санбрайт оберегал собаку. Жеребец тут же начал есть, стал спокойным и собранным. Когда конь возвращался в свой денник, Тури поднимал голову, поводил черным носом и опять засыпал. Он лакал свое молоко вместе с лекарством. В день возобновления тренировок Санбрайта Тури выполз во двор, очень слабый, но уже на четырех ногах. Было солнечно. Медленно поднялся хвост и закруглился над спиной собаки. Теперь Тури сопровождал Санбрайта, сидя на руках у конюха.

— Ну, как дела? — Лорд Кинмартин, владелец лошади, осматривал на выгуле Санбрайта, под осенним солнцем круп лошади блестел, как медаль. — Я никогда бы не поверил, что он может стать таким сильным. Что за история с собакой?

— Она вся правдива! А вот и собака! — указал тренер на Тури, сидящего с перевязанной задней лапой на руках конюха. Билл рассказал владельцу Санбрайта о всех приключениях. Лорд Кинмартин был доволен: «Весь мир уже знает. Это хорошая реклама!»

Значительное состояние лорда Кинмартина было собрано с

помощью рекламы, поэтому надо было признать его авторитет в этом деле. Во всяком случае, пресса уже об этом узнала. Тури несколько раз снимали на пленку. Десятки репортеров атаковали Билла Турмера своими вопросами, но Билл говорил мало, хотя они были чрезмерно любопытны.

Последним, что увидел Санбрайт, уходя из денника, был Тури. Конь галопировал до места старта. Рядом с ним шли фаворит Трей Клод, второй фаворит Тей Терл, Брэйт Бой, Алл Алонс и еще пять лошадей. Верхом на Санбрайте был Тэд Нортон, не самый престижный жокей, но Билл Турмер любил его. Между Тэдом и лошадью всегда было понимание, хотя были жокеи поумнее на жестком финише. Санбрайт в хорошем настроении спокойно додшел до старта, а не как раньше,— вспотевшим, вырывающимся, с трудом сдерживаемым.

— Готовы?

— Нет, сэр, подождите, сэр. Да.

Старт был дан. Санбрайт помчался вперед, Тэд Нортон удивленно, но с возрастающим удовлетворением чувствовал под собой силу лошади. Он придержал его, вспоминая предупреждение Билла Турмера: «Ты можешь ему доверять. Он думает быстрее, чем мы».

Еще 600 метров впереди. Трех лошадей Санбрайт обошел, но он еще не втянулся в скачку. Он шел пятым. Тэд его чуть отпустил, и они пронеслись мимо Тей Тэрл и Брэйта Боя. Еще 400 метров. Рисковать? Он подхлестнул Санбрайта и увидел отставшего Херри Апа! Теперь остался Трей Клод, но у последнего столба они его догнали. Еще раз серый вырвался вперед, но Санбрайт привязался к нему. Сумеет ли он победить? Каждый бросок приближал его к цели. В толпе волнение: «Кто это?» «Жеребец с собакой!» «Санбрайт!» «Нет, не он! Трей Клод!» «Трей Клод!» «Санбрайт!» «Санбрайт!»...

Санбрайт первым проскочил мимо судей. Началось столпотворение. Восторженные крики! Сентиментальный английский народ любит хорошие истории, и каждый знал о собаке Тури. Но только несколько женщин поставили на Санбрайта из симпатии, а так — мало кто решился рискнуть и букмекеры были довольны.

Санбрайта провели перед публикой. Рядом с ним шел лорд Кинмартин, но на него никто не обращал внимания. Маленькая мордочка с острыми ушками и черными глазами глянула через ограду — это был Тури на руках у конюха. Санбрайт ответил взглядом и весело заржал. Люди словно сошли с ума: они плотной толпой окружили конюха и каждый хотел погладить собаку. Репортеры дрожали от возбуждения. Тури посмотрел на них и произнес на языке финских шпицев: «Уа-уа-у-а!»

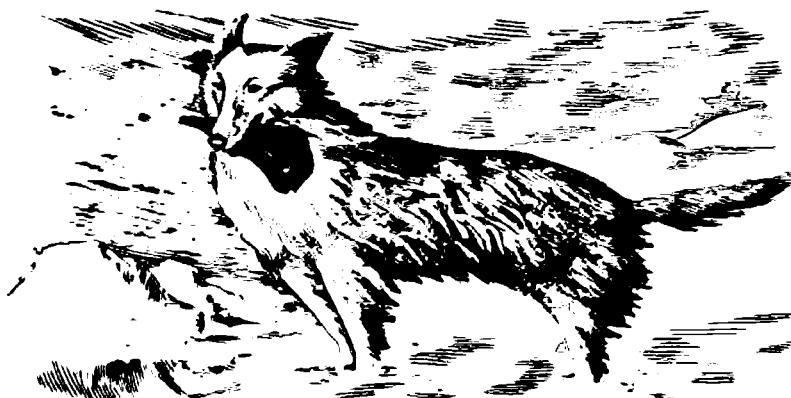
Джойс Странгер

И неожиданно выпал снег...

День выдался скверный. Снег забирался в щели, трещины и канавки, скапливался у каменных стен и накрывал всю страну. Под снегом исчезали деревни. Угрожающие хрустели сучья деревьев под неожиданной тяжестью.

С утра пес был неспокоен, нервничал, выискивая и выкапывая из-под снега овцематок, но не мог сообщить хозяину свои опасения. Пастух с собакой пытались перегнать бредущих по пояс в снегу животных обратно на ферму. Каждый шаг давался с трудом. Темное, свинцовое, обещающее снег небо на дальнем горизонте над шотландским высокогорьем было окаймлено желтым жутким светом, заставляющим дрожать собаку. Дважды она прижималась к земле, поскуливая и отказываясь идти дальше. Хозяин кричал на нее, злился на погоду, на собаку, выбравшую для изdevательства над ним именно такой день. Мужчина хотел домой на ферму, к горячему чаю и огню.

Пастух проклинал этих овец! Пастушьим шестом он достал овцу со скалы, где она от страха замерла, впервые в своей короткой жизни переживая такую погоду. В другой раз этим шестом он достал своего пса из глубокой канавы, засыпанной снегом, куда пес с визгом провалился. Освободив собаку, пастух измерил глубину снега.

Вскоре им удалось найти путь через ущелье. Но едва они успели перебраться на другую сторону, как гора вздрогнула. Прямо на них с нарастающей быстротой неслась смесь снега, камней и земли. Пес залаял и убежал. Скованный толстой одеждой, пастух попытался все же бежать вслед за ним. Основная масса снега миновала его, но один из обломков ударили по плечу и опрокинул наземь. Второй обломок прижал его руку, лишив возможности двигаться. Так он беспомощно лежал, напоминая насекомое, приспособленное булавкой в ящике для коллекций. Он посвистел псу. Месс приблизился медленно, озадаченно виляя хвостом. Он был слишком молод и не знаком со снегом, но, как хорошо воспитанный пес, он знал, что без приказа пастуха нельзя двигаться. Теперь Уик Джонс проклинал жесткую дрессировку, которой он мучил собаку, заставляя ее по команде «сидеть» не сходить с места в течение двух дней. Псу не разрешалось вмешиваться в дела других собак, охраняющих овец, можно было полагаться только на пастуха и не иметь своего мнения.

— Иди домой! — говорил пастух собаке. Другого приказа не приходило ему на ум. Увидев собаку одну, люди поспешат разыскать его. А если кончится снегопад, его найдут по следам. Только бы кончился снегопад! Уик закрыл глаза и молился. Несмотря на холод и сырость, проникающие через одежду, он был мокрый от пота.

Пес недоумевал: «иди домой» говорят щенкам, но не взрослым собакам, находящимся со своим пастухом в горах. Поскучивая, он подполз ближе. «Домой! Дурак!» — голос раздраженный, но не угрожающий! Пес смотрел на овец, серых на белом, горемычно прижавшихся друг к другу. Эти шерстяные клубки терпеливо ждали ведущего. Уик тихо выругался. Ведь у одной овцематки скоро ожидался приплод. Каждый рожденный в снегу и холода ягненок пропадет без надежной защиты.

— Иди домой, ты, дурачок! — кричал он громко, со всей силой, на которую был способен. Со страхом он следил за Мессом. Тот, чувствуя себя несправедливо обиженным, уполз с поджатым хвостом. Месс ничего не понял. Надо было работать, и пастух не имел права лежать там в снегу. Пес вернулся, попытался лапами убрать обломок, придавивший пастуха. Бедный пес старался помочь, но помочь можно было ждать только от людей.

— Нет! — закричал строго пастух, и пес испуганно шарахнулся назад, наклонив голову и поставив уши торчком. — Иди домой! — кричал пастух.

На этот раз собака пошла, но испуганно оглядываясь назад, в надежде, что пастух последует за ним. Наконец, убедившись в тщетности своих ожиданий, пес стал искать след обратно на ферму. Он знал тропинку, запах, вид и особенности почвы. Но все было покрыто снегом, и запах почти не чувствовался. Вокруг был только непронутый бугристый снег. Пес полз вперед, напуганный тишиной, молчанием птиц, сумерками и желтизной неба. Каждая

возвышенность — гора. Преодолевая их и проваливаясь в снежные заносы, он с трудом вылезал наверх, ложился отдохнуть на снег, но приказ был всесильным. Его долг — слушаться, он должен обязательно дойти домой.

Пастух, все еще лежащий в снегу, где его завалило, вытер рукой в рукавице выступившие от холода слезы и посмотрел на овец. Они стояли безучастно, опустив головы. Когда он пошевелился, одна из них повернулась к нему, подошла и встала рядом. Другие овцы последовали за ней. Они защитили пастуха от ветра и этим увеличили его возможность выжить. Он протянул руку к ближайшей овце, но не мог дотянуться до нее. Овцематка легла рядом с ним в снег, почувствовав спокойствие от присутствия хорошо знакомого человека. Пастух зарылся пальцами в шерсть и задремал. Странные видения горячего кофе и мяса, паштета в теплом жирном соусе, тепла и уюта дома смешались в его голове. Каждое пробуждение было подобно маленькой победе над смертью.

От режущего ветра у собаки слезились глаза и образовывались сосульки на морде. Ее тоска по людям была сильнее, чем тоска по еде. Пес тосковал по человеку, ободряющему его, дающему утешение и тепло.

Добравшись до тропинки, вытоптанной овцами и людьми, он побежал быстрее и так согрелся. Устав, он остановился. Дыхание его на холода превращалось в пар, он мотал головой, испугавшись этой непонятной густоты! Тропинка неожиданно оборвалаась. Ферма Дана Томаса лежала окруженная белизной, застигнутая врасплох необычно ранним ноябрьским снегом. Только вокруг фермы была расчищена дорога для коров, свиней и кур: одних нужно было доить, других кормить.

Собака была почти дома, когда опять неожиданно началась пурга. Идя по снегу, пес высматривал следы лисиц, куниц и птиц, а теперь он ослеп от огромных, кружящих по ветру хлопьев снега. Они попадали ему в глаза, на морду, плечи, голову, и он вынужден был все время отряхиваться. Он садился и пытался лапами снять странную липучую массу, мешавшую ему смотреть и бежать. Было невозможно идти дальше. Он прилег, прислушиваясь к завываниям северного ветра, и вдруг внятно услышал хорошо знакомые звуки: мычание коровы, звяканье ведра, лай собаки. Это послужило ему сигналом! Он резко и громко залаял, призывая собаку. Рекс услышал своего товарища и ответил лаем. Он лаял в ответ и продолжал лаять даже тогда, когда фермер прикрикнул на него. Наконец Рекс замолчал и Мосс умолк тоже.

— Черт, должно быть, это Мосс там, — крикнул фермер своей жене. Он подошел к двери, глядя на кружасиеся хлопья, и сказал: — Что-то случилось с Уиком.

Побелев лицом, его жена Мария молча смотрела на мужа. Никогда еще пес не приходил домой один. Никогда с тех пор, как он перестал быть щенком. Уик не мог в наказание послать его до-

мой. Ведь пес был хорошо отдрессирован, и такой ночью он не мог послать собаку одну.

— Что ты будешь делать? — прошептала она. Страх почти отнял у нее голос. Фермер, крепко завернувшись в свою накидку, уже стоял у телефона — единственной связи с соседями: те жили довольно далеко, чтобы можно было им крикнуть или хотя бы увидеть.

— Черт, нет связи! — сказал он после попытки дозвониться.

— Ты не можешь сейчас выйти! — Мария пригладила свои черные волосы движением, свойственным ей, как Дан знал, во время сильнейшего волнения. Он стоял в дверях и кричал как можно громче: «Мосс, ко мне, Мосс, ко мне, хороший пес!» Собака залаяла и поползла на голос через бугор.

— Это точно Мосс, — говорил Дан. Он смотрел в ночь. Густеющая темнота окутывала все вокруг. Собака опять залаяла. Было темно, а из-за ограды она не могла увидеть свет из дома.

— Мосс, хороший мой, иди ко мне! — голос был благодатью, теплом в ночи. Пес кинулся в ту сторону и с испуганным визгом провалился в прикрытую снегом канаву. Он попытался выбраться, но мягкий пушистый снег опять сомкнулся над ним. Скуля, он остался лежать за оградой. Дан Томас достал большой фонарь из коровника, который зажигали там, когда приходило время телиться коровам. Он давал слабый световой круг на густом, утоптанном коровами снегу, который, оттаяв, опять замерз, образовав опасный каток, требовавший от Дана большой осторожности. Пес опять заскулил. Дан осторожно пошел на звук. Он перегнулся через ограду и увидел пса — темное пятно на блестящем белом снегу. Дан схватил его за шкирку и поднял. А Мосс счастлив был опять быть с человеком, визжал, виляя хвостом, и радостно лизал руку Дана.

— Какой-то он не такой, — сказал Дан, когда принес пса в тепло. Он поставил ему еду. Но Мосс смотрел на него, скулил и есть отказался.

— Давай, ешь! В такую погоду мы его сейчас не найдем! — сказал Дан, пристально глядя в темноту, где пушистые хлопья танцевали перед стенами сарай и конюшни. За световым кругом возмущенно заржал пони, испугавшись ветра, бросающего хлопья снега прямо в открытую дверь конюшни. Скользя и ругаясь, Дан вышел закрыть дверь конюшни.

Вернувшись, он успел увидеть убегающего в ночь Мосса с половиной бараньей ноги в зубах.

— Проклятый воришко! — сердито изрек фермер, — своего не тронул, зато украл у меня.

— Ты пойдешь на гору? — Мария мыла посуду. Дан беспокойно шагал взад-вперед и смотрел в ночь. Он удрученно прислушался к завыванию ветра.

— Чтобы мы вдвоем там погибли? — наконец сказал он, подумав о жене и троих детях, спокойно спавших на верхнем эта-

же.— Как только рассветет,— добавил он, помолчав,— Вильямс мне поможет. В таком снегу нельзя даже найти следы собаки. Все занесло.

Дан был слишком обеспокоен, чтобы уснуть. Мысли о пастухе угнетали его. Возможно, он уже мертв, возможно, уже похоронен под снежной лавиной или замерзает на жутком холоде?

После того как жена ушла спать, он еще долго сидел у огня и наблюдал за котятами, играющими с соломинкой, принесенной кем-то с обувью. Дан думал о стихии за окном и тосковал по более легкой работе в городе, где нет скота и суровых негостеприимных гор, где не нужно мучиться за гроши, где другие мужчины стали толстыми от еды, которую он добывал своей тяжелой работой. Мужчины, которые могут много себе позволить, имея деньги, гораздо легче заработанные, чем у него. Задумавшись, он забыл о Моссе и украденном мясе.

А собака пыталась найти свой след, пробивалась назад в горы к Уику, который был ей дороже тепла и еды. От мяса в зубах рот был полон слюны, но пес не позволял себе о нем думать. Он искал дорогу. Теперь ветер дул в спину и, несмотря на снег, бежать было легче. Слабый запах указывал ему путь. И хотя от жареной баранины исходил сильный дух, но все же он не мог совсем перебить его собственный запах.

Снегопад прекратился. Луна между облаками мерцала над белизной, покрывающей все следы, тропинки, пастуха и овец, которые его окружали.

Мосс все бежал и бежал. Иногда снег был выше его роста и он с трудом протаптывал себе дорогу, но шел и полз дальше, все сильнее и сильнее уставая. Один раз он отдохнул под кустом, и баранина очень его соблазняла, но он решительно побежал дальше. Дойдя до того места, где он оставил пастуха, пес остановился и удивленно смотрел на нетронутое свежее покрывало. Он осторожно положил мясо, принюхался и начал копать. Пес нашел пастуха и овец в маленькой пустоте, созданной их дыханием. Пастух, обрадовавшись свежему воздуху, был несколько разочарован, увидев только собаку.

— Мосс, Мосс, ты дуралей! Мы ведь оба здесь погибнем!— говорил он. Пес расстроенно вилял хвостом, не поняв, отчего его встречают без восторга. И он побежал обратно к мясу. Но на этот раз он подошел к хозяину осторожно, из страха получить пинок за все старания. Пастух, наблюдая за ним мутными глазами, увидел баранью ногу и не мог поверить своим глазам:

— Ты... неужели ты в самом деле там был? Надеюсь, тебя увидели?— Он вытянул руку и погладил мокрую шерсть. Собака легла рядом с ним и вылизала ему лицо. Овцы, страшно замученные снегом и холодом, не шевелились. Они следили за Моссом внимательно. Овцематка собиралась рожать. Пастух схватил мясо. Оно было все в снегу, но он разорвал его зубами и отдал верхний слой собаке в качестве награды.

Два часа спустя мужчины во главе с Даном Томасом по сбаччым следам нашли обоих в глубоком снегу. Вокруг них стопились овцы, овцематка лежала под головой пастуха, как подушка, а новорожденный ягненок — перед носом матери, которая его тщательно вылизывала.

Дан Томас смотрел на них: на пастуха, на собаку, потом на кость, лежавшую между ними, чисто обглоданную.

— Месс мне принес ужин,— сказал пастух с гордостью глядя на свою собаку, пока мужчины вытаскивали его и помогали встать. Потом его укутали в одеяло и положили на носилки. Горячий кофе и ром быстро поставили его на ноги. Раны на руке оказались нестрашными. Ночью, лежа в теплом фермерском доме, на софе Марии Томас, Уик наблюдал за псом, который ел свой королевский обед: Мария наградила его миской, наполненной до краев вкусной душистой кашей с мясом.

— Хе, Месс, ты, действительно, замечательный парень! — сказал Уик.

Собака посмотрела на него и, прежде чем продолжать трапезу, отбила хвостом на жестком полу барабанную дробь.

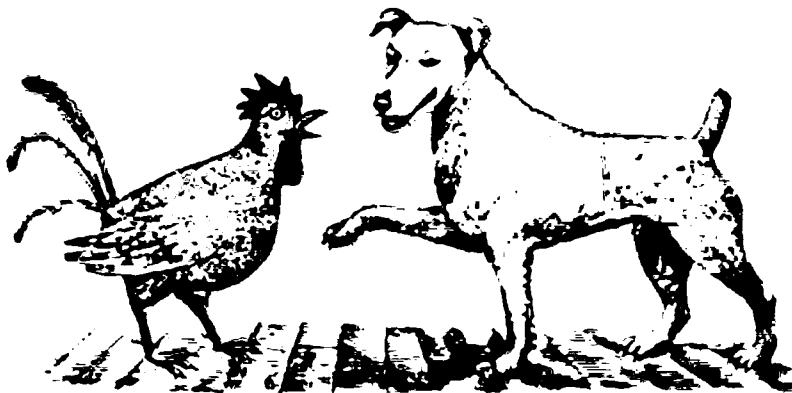
Зигфрид Штайнер

Терри

Шел 1916 год. Нам, находившимся на передовой, снова не везло. Мы должны были заменить полк, который понес большие потери. Наши передвижения происходили только под защитой ночи. Передвигаться надо было совершенно бесшумно, малейшая неосторожность могла бы вызвать новый огненный шквал. Уставшие солдаты моего взвода ощупью пробирались вдоль стен окопов. Проверяя позицию, насколько это возможно в полной темноте, я заметил что-то светлое, двигающееся совсем рядом со мной. Прыгнув вперед, я схватил за ошейник собаку. Пес не укусил меня, так как был очень обессилен, и позволил поднять себя без сопротивления. Я шептал собаке успокаивающие слова, а она даже не пыталась удратить.

При свете медленно занимающейся безнадежной утренней зари я признал в своей ночной находке гладкошерстного фокстерьера самых чистых кровей. Собака теперь уже не покидала меня. Позже выяснилось, что пес принадлежал одному майору. Погиб ли майор или потеряли они друг друга при отходе полка, я точно не выяснил и не старался узнать. Этой ночью я приобрел прекрасного товарища, на многие годы одарившего меня неизменной любовью и верностью.

Уже на следующий день темпераментный фокстерьер стал

любимцем всего взвода. Итальянцы беспощадно атаковали наш участок фронта. Бои шли за боями, у нас были большие потери, и несмотря на это, я с радостью заметил, что мои солдаты оберегали маленького пса, названного мною Терри. Очевидно, он был знаком с грохотом войны и огнем орудий, но все же разрывы шрапнели и гранат доводили его до бешенства. Шустрый малыш не мог угомониться, прыгая за маленькими облачками, висящими в воздухе, и пытаясь поймать их. Капитан смеялся над моим приобретением и называл Терри настоящим австрийским воином.

От противника нас отделяло проволочное заграждение, за которым была ничейная полоса шириной не более 60 метров. По обе стороны лежали снайперы, следившие за каждым движением на позиции. Наши потери возросли, постепенно мои солдаты впали в уныние. Один из моих товарищ, лейтенант П. Грос, имеющий вполне обоснованные надежды в мирной жизни стать звездой на оперном небосклоне, однажды вечером, когда затихли орудия и наступила неправдоподобная тишина, запел арию Рудольфа из «Богемы». Когда он закончил, «оттуда» раздались бурные аплодисменты и крики «бис!», и, словно по уговору, на следующий день мы больше отдыхали, чем воевали.

В конце концов мы получили приказ быть наготове. Нас должен был сменить румынский полк. Пока мы собирались, я случайно увидел Терри, гонявшего крысу. Эта мразь удрала через край рва за проволочное заграждение и исчезла во вражеских окопах. Пес в охотничьем азарте рванул за ней. Мне стало не по себе. Я свистел, свистел, но все было бесполезно. Сумерки, необходимые для нашего отхода с позиций, давно наступили, и мы вынуждены были немедленно уходить. Прибыли румыны, я передал позицию их офицеру. Наш Терри исчез навсегда.

По возможности под покровом ночи мы должны были добраться до места, отведенного нам для отдыха, расположенного за много километров от линии фронта. Передвижения многочисленных войск и беспрестанные ливни превратили дорогу, по которой мы шли, в болото, что причиняло и без того измученным солдатам лишние страдания.

На рассвете после длительного марша мы наконец-то добрались до места. Я позабылся устроить своих бравых, грязных и промокших солдат как можно лучше в деревенских домах. Мой денщик нашел для меня прямо-таки шикарный ночлег: помимо привычных насекомых там было даже что-то похожее на кровать и не текла крыша. Крутая деревянная лестница вела к этой роскошной квартире. Гром орудий сменялся далеким урчанием по мере нашего удаления от фронта. Только шум постоянного дождя прибавился, но мы нашли хороший приют и дождь нам был уже нипочем. Теперь только спать, спать, спать... Я вспомнил маленького песика, которого, возможно, уже не было в живых. Мне было его жаль, как жаль бывает хорошего товарища. С этими мыслями я заснул и проспал целых десять часов.

Два-три дня спустя, лежа после обеда на кровати, я писал письма родителям и вдруг услышал топоток на лестнице. Я не верил своим глазам, мне мерещится... но то, что появилось в конце моей разбитой старой лестницы, было на самом деле нашим маленьким Терри! Я вскочил и поднял маленькую мокрую и грязную собачку. Какая бурная встреча! Пса нельзя было успокоить! Он лаял, визжал, рассказывал мне все свои приключения. Мой денщик притащил воды, и мы начали его мыть, придавая ему опять вид опрятной полковой собаки. Мои солдаты радостно с ним здоровались, для него нашлось много вкусных кусочков. Наконец он лег на мою кровать, свернулся калачиком и проспал до следующего дня. Я так и не смог понять, как Терри нашел мой след на такой развороченной дороге? Но, слава богу, есть вещи на земле, недоступные нашему разуму.

Не прошло и нескольких дней, как явилось к нам еще одно существо. Однажды во время обеда мы вдруг увидели совсем необычного гостя — это был гордый белый петух! Он остановился на пороге и основательно оглядел меня, собаку и всю квартиру. Очевидно, ему понравилось. Придя в себя, я вежливо с ним поздоровался, что он принял к сведению. Сначала я его накормил, чем вызвал к себе еще большее доверие. Скоро фоксик стал привыкать к новому жильцу, который и не думал нас покидать. На войне бывают странные случаи, и со временем перестаешь удивляться чему-либо. Неплохая петушья идея — стать под нашу защиту — имела основание. У солдат было только одно извечное представление о домашней птице, и петух, очевидно, уже кое-что испытал после эвакуации деревенских жителей. От его прежде очень эффектных хвостовых перьев осталось только одно как свидетель былой роскоши. Я быстро приучил собаку к петуху, но по вечерам Терри очень донимал петуха игрой. Мне пришла мысль повесить мой шлем на гвоздь рядом с изголовьем кровати. С наступлением темноты белый петух, названный Дон Загора, занял свою новую квартиру.

Наша жизнь была бы почти безмятежной, если бы не дурная привычка Дона Загора по ночам ежечасно кукарекать и, конечно, будить нас. Началось срочное обучение. Как только петух готовился кукарекать, я, вытянув руку, слегка шлепал его. Он пригибался: такое обращение ему было не по вкусу. Наконец он научился хлопать крыльями и раскрывать клюв, не издавая ни звука. Сколько ночей мы провели с товарищами, попивая красное вино и разговаривая, а мой молча кукарекающий петух часто давал нам повод от души посмеяться.

Добрая судьба наконец подарила мне отпуск. Целых 18 месяцев я не был дома и радостно стал собираться. Это решило участь Дона Загора. Терри я, конечно, взял с собой. Петуха оставил на попечение фельдфебеля, который мне обещал хорошо за ним ухаживать. По возвращении я не застал Дона Загора. Смущенное увиливание и уловки фельдфебеля не позволяли мне сомневаться

в его судьбе. Мне было жаль петуха, надо было взять его с собой или отдать моему денцику, который вместе со мной отправлялся в отпуск.

Первые два дня моего слишком короткого отпуска я должен был провести в Вене. Счастливое событие после долгого пребывания на фронте! Сначала меня отвезли в Парк Хотель Хюбнер, где я снял красивый номер с видом на парк Шенбрук. Некоторое время я приводил себя в порядок, а вечером уже был в кругу друзей и коллег по университету. Пили хорошее дунайское вино, говорили о тех, кого не было рядом, кто воевал на других фронтах. Вспоминали и о тех, кого уже никогда больше не будет с нами.

Когда я наконец попал к себе в номер, занималась заря. Было страшно жалко каждого потраченного на сон часа. И все же я проснулся довольно поздно, Терри не было ни в номере, ни в коридоре. Я мгновенно оделся. Я спрашивал слуг, но никто ничего не знал. В нерешительности я стоял на площади и не знал, где искать собаку. Может быть, он пошел по следам какой-нибудь венской красавицы? Тогда придется долго ждать его возвращения. Я повернулся обратно в отель и, проходя мимо дворца Шенбрук, откуда открывалась взору главная аллея, вдруг увидел вдали светлую точку, все более превращавшуюся в моего Терри! Как ему удалось проскочить строго охраняемый вход? Я встал немного в стороне и мог наблюдать, как Терри невозмутимо переходил оживленную улицу и с достоинством направился в отель, где швейцар был уже в курсе дела. Пес нашел этаж и сел у моей двери в ожидании. С тех пор пришлось держать его на поводке, хотя он очень этому удивлялся.

Посетив своего университетского профессора, я освободился только к вечеру, чтобы навестить друга — охотника. Мой друг, не зная о моем приезде, вышел из дома, но его жена и маленький сын Хуберт попросили меня подождать. Они ввели меня в уютную гостиную, и тут счастливый мальчик показал мне подаренного ему ко дню рождения белого мышонка. Мышонок резвился в большом стеклянном сосуде с большим колесом, по которому крохотное животное могло бегать. Терри, наклонив голову набок, сидел рядом и с возрастающим любопытством наблюдал за мышкой. Она опять лезла по колесу, а мальчик в возбуждении с усердием показывал новый аттракцион и крутил колесо все быстрее. Он был убежден, что доставляет мышке удовольствие, в чем я сомневался. Но прежде, чем я смог спасти положение, несчастье уже случилось. Бедная мышь, не выдержав скорости, оторвалась от колеса и, описав дугу в воздухе, полетела прямо в пасть Терри. Было грустно! Терри опять сидел смирно, но только теперь из его пасти торчал мышиный хвост.

Мальчик тщетно искал свою мышку, и я вынужден был ему сказать, какая произошла катастрофа. Потом я взял плачущего мальчика за руку и отправился в ближайший зоомагазин, где восстановили справедливость и потерю. Между тем возвратился мой

друг и от души посмеялся над маленькой охотничьей удачей Терри. Позже, когда мы стали прощаться, я посоветовал маленько-му Хуберту не крутить так быстро новую мышь в колесе, чтобы она не улетела в небо. Теперь мальчик уже смеялся.

На следующий день предстоял обязательный визит к моему командиру. Он тоже был в отпуске и впервые увидел своего маленького сына, родившегося полгода назад, когда его отец был на фронте. Мне было дано приятное задание от имени моих товарищ передать цветы и пожелать счастья молодой красивой жене командира. Конечно, мне разрешили восторгаться маленьким крошечным человечком с розовыми щечками, спавшим в нежных кружевах в маленькой кровати-корзинке.

Терри, как хорошо воспитанный пес, держался возле ноги и послушно последовал за мной в гостиную. Он лег у моих ног. Меня пригласили к столу, и, как это принято среди солдат, скоро мы заговорили о фронтовых событиях. Молодая женщина с интересом прислушивалась к нашим рассказам. Затягивать визит было неприлично, и я, встав, распростился с хозяйкой дома и с моим командиром, выразив им почтение и благодарность. Но где же собака? Боже мой! Дверь в детскую была открыта, и мы тут же бросились туда. Я похолодел, я готов был провалиться сквозь землю при виде ужасной картины, открывшейся моим глазам. В кружевах, тесно прижавшись к теплому младенцу, лежал Терри. Ручки малыша с любовью обивали белую шею собаки. Должно быть, они спали вместе уже давно. При нашем приближении Терри выскоцил из корзинки. Мой командир пронзил меня взглядом, который невозможно забыть всю жизнь! Понятно, при таких обстоятельствах, промяглив многочисленные извинения, я вылетел пулей! Позже, после возвращения в полк, командир часто под общий хохот рассказывал эту историю.

В тот же вечер я должен был отправится в Крицендорф, где мой дядя Рудольф жил на летней даче. Этот дядя Рудольф, всеми нами очень любимый, обалдел от счастья, увидев меня после стольких тяжелых месяцев. К нашей общей радости дядя временно был соломенным вдовцом, поэтому мы, конечно, каждый вечер посещали винный погребок. Снятый дядей дом принадлежал необыкновенно чистоплотной и прямо-таки неприятно аккуратной хозяйке. На мою собаку она смотрела, сморщив нос. Когда мне показывали дом, я не мог скрыть улыбку, заметив на двери одного известного места табличку «Буду проверять!». Мы поделили с дядей просторную спальню с широкой стеклянной дверью в сад. Сад был разбит с геометрической точностью. Цветочные грядки были отделены от дорожек дугообразно согнутыми деревянными палочками. Несколько роз уже зацвели. Скворцы тщетно искали на свежеполитом газоне червячков.

Рано утром дядя разбудил меня. Бледный и расстроенный, он стоял передо мной.

— Ради бога, вставай и посмотри, что натворил твой пес! —

сказал он гробовым голосом. Я ринулся в открытую дверь. Моим глазам представилась неописуемая картина. Очевидно, Терри работал все время, пока мы спали. Мы оставили широко открытой дверь в сад из-за чудесного воздуха. Надо было нам получше подумать о возможностях Терри, ведь мы спали очень крепко! Все кусты роз были вырыты, газон перепахан, изящные палочки вырваны, цветы сломаны. Одним словом, ужасные разрушения! Причиной была, наверное, мышь. Мой славный дядя был крайне удручен. Самое страшное было еще впереди! Мне очень захотелось сразу возвратиться на фронт, а не оставаться сейчас здесь. Да и так уже пора было отправляться в казармы. Я предпочел бросить дядю на произвол судьбы. Уставший Терри сидел и с невинным видом созерцал сотворенный им разгром.

Я отправился к моим родителям. Позже дядя мне сообщил, что он вынужден был покинуть свою красивую летнюю дачу. Даже в возмещении убытков ему было категорически отказано. Ему, конечно, жаль было дачи, но, с другой стороны, он уверял меня, что рад был избавиться от этого «старого дракона». Правда, этот хорошо воспитанный человек умалчивал о репликах моей возвращившейся тети. Но эту тетю я никогда не любил.

Во время короткого пути в поезде на красивый Вахау меня мучили мысли о неприятностях, доставленных мной любимому дяде. Я встретил невинный взгляд моего верного терьера — на его морде и лапках еще остались следы его ночной работы, на животике висели комочки слипшейся грязи — и веселый смех облегчил мою нечистую совесть.

Оставалось еще несколько дней моего, к сожалению, очень короткого отпуска. Осеннее солнце позолотило всю страну. Нетерпение возвращающегося домой солдата училило удары моего сердца. Поезд остановился. Наконец-то дома! Здесь война ничего не изменила. Вокзал, праздные люди, потом наша улица и наконец-то наш дом. Мать вскрикнула, увидев меня, и бросилась мне на шею. Глаза отца были мокрыми, он говорил мало. И какая радость! Открылась дверь, и передо мной стоял мой смеющийся брат Отто. Двумя днями раньше он тоже прибыл домой. Случай и ему предоставил отпуск.

Когда наконец кончилось общее волнение, мой брат преподнес мне сюрприз. И какой сюрприз! Дорогой Отто привез мне из Словакии замечательную охотничью собаку и огромного ангорского кота по имени Эгуну. В тот же миг начался шабаш! С некоторым трудом и уговорами мы все же заставили собак и кота сносно отнести друг к другу. В последующие дни положение улучшилось к радости нашей измучившейся матери. Терри с ходу завоевал ее сердце. Он был благодарен маме за заботу о нем и целий день не отходил от ее ног. Терри был счастлив. По окончании моего отпуска мама просила оставить Терри с ней. Отец, брат и я возвращались на фронт. В венской казарме ждал своего назначения брат Роберт. Так и остался Терри у моей матери и был ее другом в грустные часы разлуки с нами. Я был рад избавить маленького фокстерьера от жуткого бытия на фронте.

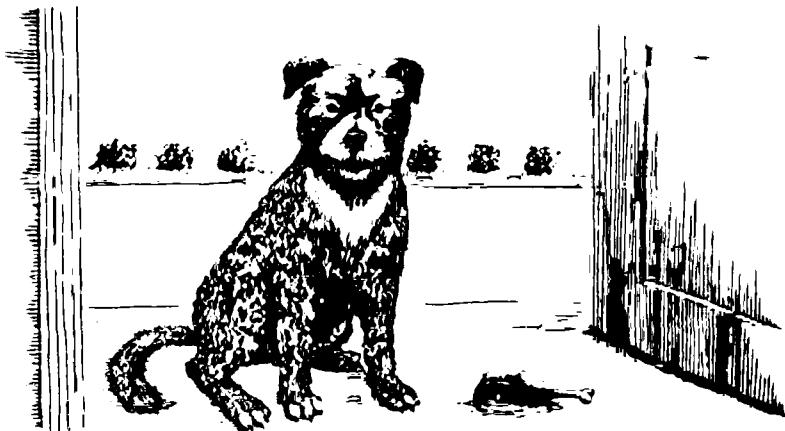
В. Травен

Душа собаки

Как-то после обеда, когда часы на соседнем магазине пробили пятнадцать часов тридцать минут, месье Ле Бланк, француз, владелец кафе на Калле де Боливар в Мехико-Сити, заметил среднего роста черную собаку, сидящую около постоянно открытой двери. Она устроилась, не мешая посетителям. Собака смотрела кроткими темными глазами прямо на Ле Бланка, и в этом спокойном взгляде светилось истинное дружелюбие. Более того, собака сидела с такой веселой рожицей, какая бывает иногда у старых бродяг, никогда не теряющих чувство юмора, даже если их спустили с черной лестницы или облили с головы до ног водой.

Через несколько минут скорее случайно, чем нарочно, француз, оставив работу, еще раз посмотрел на собаку. Пес, поймав этот взгляд, отвечал веселым вилянием хвоста, смешно наклонив голову набок и открыв пасть. Ле Бланку показалось, что собака дружески ему улыбается, и он не мог отказать себе в ответной улыбке, почувствовав теплый лучик солнца, прикоснувшийся к его сердцу.

Теперь, чаще работая хвостом, собака встала, тут же села опять и, сидя, придинулась ближе к двери, но не вошла в помещение. Француз, усматривая в поведении голодной уличной собаки

большой такт, уже не смог сдерживать свои чувства. С полупустой тарелки в руках проходившей мимо официантки он схватил ромштекс, к которому гость, очевидно, не очень голодный, едва притронулся. Подняв сочный кусок двумя пальцами, он уставился на собаку и приглашающе помахал куском, давая ей понять, что можно войти взять мясо. Собака увидела и поняла приглашение и завиляла теперь не только хвостом, но и всей задней частью, открывая и закрывая пасть, часто облизываясь, будто кусок находился уже у нее во рту. Она теперь точно знала, что кусок предназначен ей, но не вошла в кафе, а осталась сидеть у двери. Француз, больше заинтересованный собакой, чем своими гостями, покинул место за стойкой, отнес кусок к двери, повертел им перед носом собаки и наконец опустил ей в пасть.

Собака взяла кусок без спешки, глядя с благодарностью на француза, отошла от двери и улеглась на тротуаре под окнами кафе. Там она спокойно съела ромштекс.

Когда собака закончила свой обед, она встала, подошла опять к двери и терпеливо стала ждать внимания француза. Поймав долгожданный взгляд, она поднялась, весело виляя хвостом, смешно улыбнулась, вызвав восторг француза, замотала головой, хлопая ушами, повернулась и ушла.

Ле Бланк, увидев собаку, возвращающуюся к двери, был уверен, что она хочет получить второй лакомый кусочек. Но когда он дошел до двери, держа в руке куриную ножку, собака уже исчезла. Наконец он понял, что второй раз собака появилась у двери по единственной причине: чтобы поблагодарить его.

К концу дня француз забыл этот случай. Он смотрел на эту собаку, как на любую другую из тех уличных собак, что посещают рестораны в поисках пропитания. Иногда они нахально садятся перед посетителями и клянчат куски, пока их не выгонят официантка. Но на следующий день, точно в это же время, в пятнадцать тридцать, собака опять сидела у открытой двери кафе.

Француз увидел ее и улыбнулся ей, как хорошей знакомой. Собака ответила своей веселой усмешкой. Она чуть приподнялась, как и вчера, завиляла хвостом в знак приветствия и еще шире раскрыла пасть, свесив розовый язык набок. Француз закивал головой, приглашая собаку войти и получить свой бесплатный обед около бара. Она приблизилась на полметра к двери, но, как и вчера, отказалась войти.

Француз, подняв руку, посмотрел на собаку и дал ей понять, что надо подождать. К его удивлению, собака поняла эту жестикуляцию, чуть отошла от двери, легла на асфальт, положив голову между передними лапами, и стала наблюдать за французом, очень занятым в это время.

Спустя пять минут официантка несла поднос, наполненный тарелками, только что собранными со стола, на кухню. Ле Бланк подозревал ее, выбрал хороший кусок мяса и подошел к собаке, держа перед ее носом. Собака взяла его нежно, как из рук ребенка.

И так же, как вчера, она спокойно и беззаботно легла на асфальт под окнами кафе, наслаждаясь хорошим обедом. Тут француз вспомнил о странном способе собаки благодарить и вознамерился узнать, является ли эта странная форма благодарности сиюминутной идеей или хорошо продуманным поведением.

Ле Бланк только было задумал поспорить с одним гостем на десять песо о собаке, приходящей после обеда к двери благодарить, но увидев ее тень у двери, понял, что опоздал. Не поворачивая лица к собаке, он следил искоса глазами за ее поведением. Собака сидела недалеко от двери и ждала взгляда человека. Но тот нарочно занялся полками, где стояли стаканы, бутылки, консервы, сигареты. Иногда он проверял кассу, наблюдая за собакой неизменно для нее. Его действительно интересовало, сколько времени собака будет там сидеть с единственной целью — поблагодарить его. Четыре, возможно пять минут прошли таким образом, когда француз решил заметить присутствие собаки.

Он выпрямился и уставился на собаку. Та встала, весело повиляла хвостом, наклонив голову и улыбнувшись, повернулась и ушла.

С тех пор француз всегда оставлял особенно сочные и вкусные кусочки для собаки. Теперь она приходила каждый день и появлялась у двери так же точно, как начинаются бои быков в Мехико. Ровно в половине четвертого Ле Бланк, временами глядевший на дверь, замечал там собаку. Так прошло несколько недель без изменений в поведении собаки, в ежедневных визитах, в получении кусочков и благодарности перед уходом из кафе. Француз смотрел на собаку как на самого постоянного гостя, в некотором роде приносящего ему счастье. Каждый день собака приходила так точно, что француз мог бы сверять по ней часы.

Эта черная, нечесаная, неухоженная уличная собака уже могла быть абсолютно уверенной в гостеприимстве Ле Бланка, а все же она не изменяла своего тактичного поведения. Никогда она не входила в кафе, хотя француз неоднократно давал ей понять, что можно войти и пообедать спокойно у его ног. На самом деле человек хотел бы иметь собаку все время возле себя. Она бы выгоняла непрошеных уличных собак из кафе, охраняла ночью от возможных воров. Признаться, Ле Бланк полюбил эту собаку.

В последнее время, подавая собаке кусочки, он любил погладить ее, слегка шлепнуть по спине, тихонько подергать за уши. Собака терпеливо с куском в зубах ждала, пока Ле Бланк не кончит свои нежности и не уйдет опять за стойку. И только после этого собака отходила от двери и по обыкновению ложилась на асфальт доедать свой обед. Как всегда, насытившись, она вставала, шла к двери, ждала взгляда Ле Бланка, виляя хвостом, улыбалась, открывала пасть, как бы говоря: «Спасибо огромное, до завтра в это же время». А потом, как всегда, поворачивалась и уходила. Куда, француз не знал.

Однажды у Ле Бланка был ужасный скандал с одним гостем,

сломавшим себе зуб о черствый хлеб. Гость пригрозил Ле Бланку подать на него в суд для возмещения ущерба в 10 000 песо. Взбешенный француз выгнал официантку, и несчастная девушка спряталась в темном углу кафе, где горько заплакала (что было при таких обстоятельствах вполне понятно). Конечно, она должна была заметить, что хлеб черствый, но, с другой стороны, не могла же она проверять каждую булку своими пальцами. Но это была не только ее ошибка, ведь гость, взяв хлеб, не мог не почувствовать его каменное состояние. Как бы то ни было, подавала хлеб она, и поэтому за это отвечала.

Действительным же виновником был булочник, нарочно или по ошибке подсунувший черствую булку к свежим. Когда наконец Ле Бланк это понял, он поднял трубку телефона и кричал булочнику, что он сейчас с револьвером в руках нанесет ему визит и убьет этого проклятого, богом забытого, невнимательного тестомесителя, как зачумленную крысу, не заслужившую лучшего, и что булочник до конца своих дней останется проклятой воночкой крысой. Булочник ответил тирадой отборных словечек, относящихся к матери Ле Бланка, которую он вовсе не знал, словечек, которые заставили бы так покраснеть церковные стены, что пришлось бы заново освятить церковь, очищая ее от ужасной скверны. Оживленная беседа кончилась тем, что Ле Бланк бросил трубку телефона с такой силой, что он обязательно бы разбился, если бы инженеры не предвидели проявления таких человеческих страстей и не учли это, конструируя аппарат. С лицом, красным как помидор, француз вернулся на свое место, а когда случайно взглянул на дверь, он увидел там старого дорогостоящего друга, черную собачку, ожидавшую своей обед.

Пес спокойно сидел у двери, весело виляя хвостом и улыбаясь другу своей особенной улыбкой, зная, что она так нравится владельцу кафе. А разгневанный Ле Бланк, замученный вечными заботами, состарившими его раньше времени, тревогами и руганью, в слепой ярости неожиданно и бессознательно схватил жесткую булочку, лежащую перед ним, и изо всех сил швырнул ее в голову собаки. В дальнейшем он сам не мог понять, зачем он это сделал. Нет сомнения, что пес видел движение француза, схватившего булку, так как постоянно следил за ним глазами, пока сидел у двери, и понял, что булка была направлена в него. Пес, живущий тем, что находил на улицах, и поэтому привыкший в своей суровой жизни к побоям и ударам, умел избегать их. Легкого движения головы было бы достаточно, чтобы увернуться от летящей булки. Но он не шевельнулся. Он устремил свои теплые карие глаза на француза и несколько секунд сидел неподвижно, словно парализованный, но не ударом, а скорее удивлением, не веря, что такое могло случиться. Булка теперь лежала у его передних лап, и пес смотрел на нее изучающим взглядом. Он ждал, что булочка, как живое существо, сейчас сама подпрыгнет, показав ему, что его глаза ошиблись. Потом он перевел взгляд с булочки на лицо

француза. Не было обвинения в этих глазах, а была глубокая, глубокая грусть... Грусть того, кто был безгранично уверен в дружбе и вдруг неожиданно и необъяснимо обманут.

И тут француз мгновенно осознал всю чудовищность содеянного. Он словно окаменел, глубоко потрясенный чувством, как будто совершенным им убийством человеческого существа. Как от удара, он выпрямился и пришел в себя. Несколько секунд он смотрел потерянно на пса, как на привидение.

Пес медленно встал, мотая головой, шлепая висячими ушами, как обычно перед уходом, повернулся и ушел.

Француз, увидев уходящего пса, сбитый с толку, махал руками в воздухе, как во сне. Вдруг он увидел мужчину, сидящего вблизи бара и вонзившего вилку в сочный кусок мяса, только что поставленного перед ним. Решительным движением француз схватил мясо с тарелки крайне удивленного гостя (который с ужасными воплями вскочил и энергично выразил возмущение нарушением конституционного права гражданина спокойно есть свой обед; при этом он призывал в свидетели всех присутствующих гостей). С куском в руке француз выскочил из кафе. Окинув быстрым взглядом улицу, он увидел удаляющуюся собаку. Он в исступлении бежал за псом, кричал, свистел, не обращая внимания на людей, которые останавливались, чтобы позабавиться дурачком, догоняющим уличного пса с куском ворованного мяса. На такое стоило посмотреть, ведь это случается не каждый день. Наконец француз, тяжело дыша, добежал до третьего квартала. Он потерял пса из виду и даже не мог угадать, где и в какую сторону тот повернулся, на улицах в это время было очень оживленно. Он бросил кусок и вернулся в свое кафе.

— Извините, амиго,— говорил он гостю, который тем временем успокоился, получив новый кусок мяса от официантки.— Простите, сеньор, кусок был не особенно хороший, я хотел отдать его более нуждающемуся в нем, чем Вы. Забудьте этот случай. Закажите, что Вам хочется, за мой счет. Спасибо.

Гость довольно рассмеялся и был этим вполне удовлетворен. А Ле Бланк начал беспокойно шагать по залу: тут придинул стул ближе к столу, там — отодвинул, глядя на стул так, будто тот нуждался в ремонте, подошел к столу, одной рукой подергал скатерть, другой погладил. Так он дошел до угла, в который забилась плачущая официантка.

— Все в порядке, Берта, Вы, конечно, остаетесь. Это было не только вашей ошибкой. А булочника я когда-нибудь в один прекрасный день убью. Хорошо, на всякий случай я найду другого булочника. Идите обратно к своим столам. Проклятье, я был взбешен, как дьявол после пытки, когда этот сукин сын из-за своего сломанного фарфорового зуба здесь распоясался, как последний пьяница.

— Спасибо, сеньор,— сказала Берта, шмыгнув носом и смахнув последние слезы.— Я Вам очень признательна за то, что Вы

меня не выгоняете. Я обещаю Вам быстрее и лучше обслуживать гостей, чем раньше. Знаете ли, у меня на шее висят мать и двое детей без отца. Я одна о них заботусь. И нелегко, черт побери, найти место, где я имела бы столько же чаевых.

— О боже! Не говорите столько глупостей! Я же Вам сказал, что все в порядке. Что же Вам еще надо?

— Я больше ничего не хочу. Я так довольна и счастлива, оставаясь здесь, сеньор... — и повернулась к одному из гостей, нетерпеливо стучащему ножом по стакану, требуя внимания: — О, да, да, я же слышала, что Вам надо. Я же не глухая. Не выходите из себя. Обыкновенный миньон с шампиньонами? Хорошо, хорошо, сейчас получите. Я уже бегу.

Француз успокоился, погрузившись в мысли о завтрашнем дне. Он уверен: собака обязательно вернется! Вряд ли она откажется от своего обеда из-за маленького недоразумения. Такие пустяковые ссоры случаются каждый день. Каждая собака может получить незаслуженную трепку от хозяина, но тем не менее остается ей верна. Собаки держатся тех, кто их хорошо кормит. Странно, но тревога не уходила, несмотря на то что он убеждал себя в возвращении собаки. Весь остаток дня он не мог забыть ее, пытался успокоиться, но не мог. Он даже не знал, как зовут пса, где он проводит ночи, кто его хозяин и откуда он взялся. Не в состоянии избавиться от постоянных мыслей о собаке, он разозлился и прошептал про себя: «Пес же обыкновенный, грязный, уличный, жив тем, что найдет в помойках, в общем, без характера. Подай ему кость, и ты его уважаемый друг навсегда». И все же, чем больше он пытался забыть пса, чем больше уговаривал сам себя забыть его — этого немытого пса, недостойного заботы, тем меньше ему это удавалось.

На следующий день уже к трем часам Ле Бланк подготовил особо сочный, специально недожареный кусок мяса. Он собирался встретить пса в момент его появления у двери и с помощью этого куска загладить неприятный случай и возобновить старую дружбу.

Настала половина четвертого, и как только раздался бой часов на ближайшем здании, собака сидела на привычном месте у двери. «Я же знал, что она придет, знал! — сам себе говорил француз с довольной улыбкой. — Он не был бы настоящим псом, не прибыв к бесплатному обеду». Однако Ле Бланк был немного разочарован поведением этой собаки, увы, ничем не отличавшейся от любой другой обыкновенной уличной шавки. Полюбив собаку, он был уверен в отличии ее от всех остальных. Она должна была иметь больше достоинства и гордости. Как бы то ни было, Ле Бланк был рад возвращению собаки. Он простил ей явное отсутствие достоинства и уговаривал себя, что нужно принимать собак такими, какие они есть. Человек не имеет такой власти, чтобы основательно переделать душу и характер собаки.

Итак, пес сидел и смотрел на Ле Бланка своими теплыми ка-

рими глазами. Француз широко улыбнулся ему, ожидая ответной смешной улыбки. Но пес держал пасть закрытой, он не шелохнулся, увидев француза с приготовленным куском. Ле Бланк махал им собаке, приглашая ее войти, чувствовать себя здесь как дома, и спокойно съесть свой кусок мяса. Пес опять остался сидеть у двери, в упор глядя на француза, как бы гипнотизируя его. Ле Бланк махал куском, причмокивая губами, возбуждая аппетит собаки. Пес заметил жесты француза, слегка завилял хвостом, но тут же перестал, осознав неправильность своего поведения. До француза наконец дошло, что собака не собирается входить в дом и, очевидно, имеет мало желания продолжать дружбу. Ле Бланк отнес кусок к двери и, как раньше, покрутил им перед носом собаки, ожидая, что она его схватит.

Пес поднял глаза, встретившись взглядом с французом. Он не сделал ни одного движения и решительно отказался взять кусок. Француз положил кусок перед собакой, сидящей неподвижно, как статуя, и ласково погладил ее. Пес ответил на проявление дружбы еле заметным движением хвоста, ни на секунду не переставая смотреть в глаза французу, затем наклонил голову, без особого интереса обнюхав мясо, опять посмотрел на человека, поднялся и покинул свое место у двери. Ле Бланк вышел за ним и увидел, что он бежит вдоль здания, не оборачиваясь. Вскоре он исчез в толпе.

На следующий день точно, как всегда, пес опять сидел у двери кафе, в упор смотрел в глаза своего потерянного друга. И опять Ле Бланк с сочным куском приблизился к собаке. Пес, как и накануне, только смотрел на него, не обращая внимания на кусок у его ног. Ни на секунду пес не сводил глаз с француза и только слегка и осторожно вилял хвостом, когда Ле Бланк его гладил и ласково дергал за уши. Прошла минута. Француз недоумевал, как поступить, чтобы помириться с собакой. Пес встал, лизнул несколько раз ласкавшую его руку Ле Бланка, еще раз внимательно посмотрел в глаза француза, издал короткий приглушенный лай, переходящий в тихий грустный вой, а потом, даже не понюхав мяса, повернулся, покидая место у двери, и ушел. Больше Ле Бланк его не видел. Пес больше никогда не возвращался к кафе, и никто по соседству его не встречал.

Последняя пурга Оскара

В зоопарке Мельбурна дети с любопытством рассматривали большую, похожую на волка собаку. Раскосые глаза, густая шерсть, особенно на спине, пушистый хвост и большущие лапы указывали на присутствие крови волка. Если бы животное подало голос, все услышали бы протяжное завывание, крик целых поколений волков, от которого стынет кровь. На самом деле пленником клетки был пес породы хаски, знаменитый вожак упряжки — Оскар, славившийся у австралийских исследователей Антарктики силой и умом. В этот мир Оскар пришел во время сильнейшей пурги в 1951 году на австралийской антарктической станции Херд Исленд. Очень скоро он проявил свое необузданное свободолюбие, рано стал отличаться от других собак гордым сдержаным поведением. В противоположность многим хаски Оскар не унижался и не вилял хвостом перед людьми и все же был безгранично предан своему хозяину. Сейчас ему почти 9 лет, и уже 18 месяцев он живет в зоопарке.

Я стоял среди детей и с восхищением рассматривал эту великолепную собаку. Ее шерсть блестела на солнце черным и кремовым цветом. Несколько дней назад я получил телеграфное сообщение со станции Уилкс австралийской антарктической базы.

Я назначался ответственным руководителем научной экспедиции и должен был позаботиться об улучшении потомства стаи хаски на станции. Там остался только один кобель и три суки, а щенков не было уже больше года.

— А что бы вы сказали об Оскаре? — спросил я у Филиппа Лоу — руководителя отдела Антарктики министерства иностранных дел в Мельбурне.

— Посмотрите на его зубы: он так стар, что скорее всего, уже не может быть производителем.

Но когда я увидел, каким одиноким и тяжелым было для Оскара существование в зоопарке, я понял, что возвращение к привычной жизни сделало бы его счастливым. Таким образом, в январе 1960 года на нашем экспедиционном корабле в клетке на палубе оказался и Оскар. Пока наш маленький кораблик боролся с сильнейшим ветром и огромными волнами, Оскар спал, свернувшись клубочком. Меня терзали сомнения: сможет ли старый пес выдержать тяжелую жизнь в Антарктике?

Когда корабль подходил к станции Уилкс, Оскар, возможно, почувствовав общее волнение, беспрерывно медленно и ровно шагал в клетке взад и вперед, его взор был накрепко прикован к снежному ландшафту. Может быть, это пробудились воспоминания!

При высадке Оскара на сушу ездовые собаки станции Уилкс подняли возбужденный лай. Три суки дрожали от волнения, а единственный кобель вздрагивал от злости.

Несколько лет назад на станции прекратили тренировать собак, поэтому многое пришлось осваивать заново. Мы были вынуждены довериться умению старого вожака. Справится ли он? Положив ремни через плечо, мы направились к собакам. Те, увидев нас, занервничали. Только Оскар сидел послушно на нужном месте, как был когда-то обучен. С легким презрением он наблюдал, как мы потратили почти 10 минут, чтобы надеть постремки на строптивых сук.

Крикнув: «Оскар, вперед!» — мы понеслись как сумасшедшие. Один Оскар бежал правильно. Его опыт и хороший настрой уберегли других собак от проволоки, окружавшей наш лагерь. «Хей-о, Оскар!» — и мы повернули налево, наискосок через волнистые холмы на береговом плато. Оскар опять с легкостью занял место ведущего, он тянул равномерно, пригнувшись корпусом к земле и вытянув ноги для широкого шага. Достигнув 15-километровой отметки, задыхающиеся собаки плюхнулись в снег. Оскар лежал расслабленный, но всем своим видом показывал, что он — настоящий вожак!

В стае Оскар соблюдал строгую дисциплину. Никому не разрешалось вмешиваться в его права, даже каюру. Если какая-нибудь собака сходила с проложенного Оскаром курса, он ждал, когда натянутся ее ремни, прыгал и поворачивал ее обратно. Даже каюр должен был терпеть его возражения. Любимым фокусом

Оскара было потихонечку менять направление. Стоило каюру чуть зазеваться, как упряжка уже неслась к дому.

Скоро нам стало ясно, какие именно качества были у Оскара. Он умел прекрасно ориентироваться на местности и безошибочно находить старые маршруты. У него развилось почти невероятное чутье находить скрытые трещины во льдах. Он сам менял направление и обходил трещины стороной. Во время кормежки другие собаки выли, дергали свои цепи и кидались, как дикие волки, на мясо. Оскар молча сидел, ожидая как вожак обслуживания в первую очередь, и принимал свою процию с подчеркнутым равнодушием. Он не любил брать корм из рук и предпочитал, чтобы мясо клали перед ним на снег. Людям, которых он уважал, он позволял гладить себя по спине и даже поиграть с ним, но вообще он не любил фамильярности. Он был рожден, чтобы быть партнером или другом, но не комнатной собачкой.

Главной обязанностью Оскара на станции Уилкс было производство потомства. В конце апреля одна из собак оценилась восьмью щенками. Один родился мертвым, и спустя 4 дня еще три были задавлены матерью. Четыре выживших щенка были здоровыми и крепкими, мы отпраздновали это пивом.

Осенью солнце целый день висело низко над горизонтом и красило снег в розовый цвет. Потом оно исчезло совсем и глубокая зима окружила станцию. Во время страшной пурги оценилась вторая собака. Когда мы к ней подошли, один щенок уже замерз. Из шести других только двое остались в живых. В следующем месяце оценилась третья собака восемью щенками. Из них в живых остался только один.

Подрастающие щенки веселились на станции и дразнили мужчин, утаскивая рукавицы и другие вещи. Только что намазанные маслом ботинки, поставленные для сушки на порог, исчезали совсем. Единственным доказательством озорства щенков была внутренняя шерстяная прокладка, выходившая естественным путем.

Наступала весна, и мы возобновили санные поездки. Оскар и дальше оказывал нам неоценимые услуги. Во время экскурсии один из членов нашей команды не заметил, что остановил сани на тонком льду. Лед хрустнул под тяжестью, сани начали тонуть. Оскар прыгнул вперед, его мощный рывок вытащили собак, сани и каюру на безопасное место.

В октябре майские щенки подросли, и их можно было начинать дрессировать. Это поручили Оскару. До сих пор именно он приучал других собак к дисциплине. Непослушного подростка он брал в пасть и опускал на лед. Но в основном настроен он был миролюбиво и игры щенков терпел с невероятным спокойствием. Если же они, слишком расшалившись, начинали надоедать ему, он просто вставал, стряхивал их с себя и уходил. К концу года стало ясно, что все дети Оскара станут хорошими ездовыми собаками.

В январе 1961 года вернулся наш корабль с новым экипажем для станции и забрал нас обратно в Австралию. Я пошел про-

щаться с собаками. Оскар дремал под теплым летним солнцем. Какой чудесный год мы прожили. В возрасте 10 лет ветеран стаи ездовых собак на станции позаботился о продолжении жизни и хорошо воспитал своих детей. Наш риск был оправдан. «Прощай, Оскар, старый жулик! Ты был великолепен», — я погладил его в последний раз; он позволил и потерся головой о мои ноги, что делал крайне редко. Грустный, я пошел на корабль. Когда я оглянулся, все собаки лежали опять в снегу, и только Оскар стоял, наблюдая за мной.

Все время Оскар оставался вожаком стаи на станции Уилкс, производя и тренируя щенков. В общем, он стал отцом более пятидесяти потомков. Все его дети прекрасно выполняли работу ездовых собак. Каждая поездка показывала, насколько основательна была их дрессировка. Щенки уверенно таскали сани по опасным местам с трещинами, где другой транспорт был бессилен.

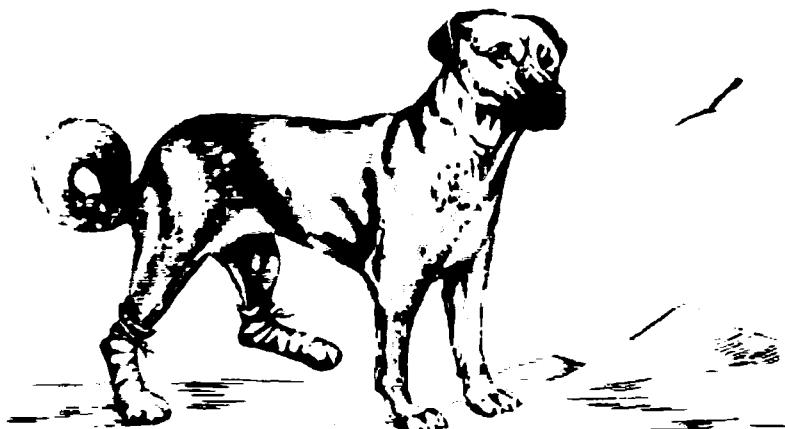
Когда Оскар ушел наконец на заслуженный отдых, большую часть дня он лежал на скалах под солнцем, а ночью спал в доме. Весной 1962 года во время сильнейшей пурги, старый пес тяжело поднялся и показал, что хочет на улицу. Медленно, с достоинством, он вышел. На этот раз Оскар не вернулся. Объявили тревогу. Вся станция вышла его искать. Но пес исчез. Полярный житель, он не мог заблудиться в пурге. Наверное, он почувствовал, что пришло его время. После достойной жизни он искал достойную смерть и был погребен под снегом в стране, которую любил.

Свен Хедин

Мой первый Йолдаш

В июле 1894 года я встретил собаку, о судьбе которой хочу Вам рассказать. Пес был одним из вернейших спутников, сопровождавших караваны лошадей или верблюдов по Центральной Азии. На азиатской военной дороге было несметное количество бездомных собак, ведущих бродячую жизнь. День и ночь они без устали искали себе пропитание. После привала купцов, пилигримов и других путешественников, собравшихся в караване, четвероногие бродяги всегда могли найти что-нибудь съестное около костра: кости, кожу или внутренности забитых животных. Если около одного костра отходы были слишком скучны, собаки перебегали к следующему.

Караван без собак немыслим, они являются неотъемлемой частью жизни на больших торговых путях. Для уборки пищевых остатков, падали и другого мусора они не нужны: за них это делает ветер, солнце иочные заморозки, не говоря уже о гиенах, шакалах, если такие имеются, воронах и хищных птицах. Помимо эгоистических расчетов на хорошую еду у бездомных собак есть и чувство чести. В благодарность за полученный обед, они ночью охраняют привал. Замечая подозрительное, они лаем предупреждают своих благодетелей о грозя-

щей опасности. Собаки не дармоеды, а желанные гости у путешественников, случайно становящихся их хозяевами на более или менее длительный срок.

Сколько сотен собак в течение многих лет сопровождали мои караваны! Большинство из них, недолго побыв с нами, исчезали, не оставив никакой памяти о себе. Число собак, которых я и по сей день вспоминаю с благодарностью, любовью и восхищением, не очень велико, но они сыграли много исклучительно трагических, драматических и героических ролей. Судьбу одних я проследил до конца, другие же исчезали бесследно. Все они были моими друзьями, моими товарищами по одиночеству. Некоторые собаки заставляли меня горько страдать бессонными ночами.

Как-то раз я работал на маленьком озере Каракуль в северном Памире и был занят картографической съемкой, измерением глубин, рисованием и фотографированием. Там нам встретилась группа китайских верховых. С ними была собака, почти наверняка относящаяся к киргизской пастушьей породе. По элегантной, обтекаемой внешности можно было догадаться о примеси русской борзой. Очевидно собака имела основание быть недовольной своим хозяином, так как, увидев нас и признав в нас приятных людей, она повернула и пошла за нами до своего последнего вздоха. Псу было очень плохо: такого жалкого, заморенного и худого существа я еще никогда не видел. После встречи, на первом же нашем привале, пес уверенно улегся перед моей палаткой с очевидным намерением защищать меня от любой опасности. Смотреть на него было неприятно. Он был очень худой, с остро торчащими ребрами, местами вылезшей шерстью, как будто болел чесоткой или другой опасной болезнью. Я хотел его прогнать, но мой слуга и ведущий каравана Ислам Бей очень просили за него, обещая сделать из него настоящего пса, и я согласился. Он долго был нашей единственной собакой и один распоряжался отходами наших трапез. В основном мы питались бараниной. Получая вдоволь костей и внутренностей, пес быстро стал красивым и упитанным. Мы назвали его по-турецки — Йолдаш — «товарищ путешественника». В этой части Азии кличка «Йолдаш» очень распространена, и в дальнейшем у меня было много собак с таким именем.

В поведении Йолдаш был джентльменом, он не помышлял войти внутрь палатки без приглашения, и даже приглашенный мною, он входил осторожными шагами, смущенно опустив голову, вытягивал свои передние ноги и изучал меня вопрошающим преданным взглядом. Он хотел доказать мне, что в состоянии понять и оценить оказанную честь, зная, что внутри палатки — запретная для собак зона. Но выйдя из палатки, он опять чувствовал себя единовластным хозяином всего вокруг. Напряженно подняв голову, он настороженно осматривал

окрестности, убеждаясь в полном порядке и безопасности бивака. Приближался ли киргизский всадник или наша собственная лошадь с выпаса, он пулей налетал на вторгающегося, сердито лаял и пытался его прогнать.

Во время обеда Йолдаш всегда сидел у входа в мою палатку и ждал своей доли, после обеда мы с ним играли на воздухе. Прошло немного времени, и мы стали лучшими друзьями. Как товарищ и надежный сторож, Йолдаш был выше всяких похвал.

В конце августа я решил верхом быстрым ходом преодолеть 140 км от Каракуля до русской пограничной крепости Памирский Пост, где прошлой зимой я провел несколько дней у очень гостеприимного капитана Зайцева и его офицеров. Чтобы попасть туда, нужно было перейти русско-китайскую границу. Без паспорта я не имел на это права. Я поехал в сопровождении двух слуг и Йолдаша темной ночью к границе в стороне от дороги, далеко от китайских пограничных постов. Мы ехали как можно тише, не произнося ни слова. Там и тут находились враждебно настроенные аулы, где всегда были собаки. На наше счастье ни одна из них не залаяла, и Йолдаш молчал. Он шел рядом с моей лошадью и, очевидно, понял, что нужно вести себя тихо.

Беспрепятственно мы перешли границу и при дневном свете двигались значительно быстрее. Йолдаш переносил все трудности довольно стойко, зорко охранял ночью наш привал и всегда был в хорошем настроении. Он не был трусом и никогда не упускал возможности подраться с другими собаками. Учуяв возле какого-нибудь аула своих киргизских сородичей, Йолдаш как молния несся вперед и устраивал жуткие патасовки с местными собаками. Он был удивительно увертлив и быстр в обороне, кусая и хватая всех вокруг себя, и, хотя при этом ему часто доставалось из-за численного перевеса противника, он никогда не уступал, а со злостью продолжал лезть в самую гущу. Закончив драку, он догонял нас уже далеко от аула с выражением триумфа на морде, ожидая похвалы и признания своей храбрости.

В конце второго дня выяснилось, что наша поездка плохо отразилась на Йолдаше. Быстрый бег ему был нипочем, но тропинки в этом высоко расположенным месте Памира были покрыты острым гравием, и бедный пес стер себе задние ноги. Поэтому на втором привале двое моих слуг сшили для Йолдаша кожаные чулки, и теперь из-за этой необычной обуви он стал похож на кота в сапогах. Мы умирали от смеха, наблюдая за недоуменным выражением его мордочки, когда он крайне осторожно и недоверчиво испробовал странную обувь, двигаясь перед палаткой. При этом пес непрестанно поворачивал голову, исследуя носом стесняющее, непонятное устройство на задних лапах. Потом он попробовал ходить только на передних лапах или, подняв задние, передвигаться сидя. Наш смех его, очевидно, смущил, и он немного оби-

делся, выступив общим посмешищем. Может быть, он думал и о том, что кожаные чулки могут быть роковыми в следующей потасовке с киргизскими псами?.. Но когда на другой день мы отправились дальше, пес сначала попробовал бежать на трех лапах, попеременно поднимая то одну, то другую заднюю ногу. Потом он понял, что кожаные чулки не такие уж плохие, так как больше не чувствовал боли в стертых лапах.

В Памирском Посту, где мы гостили неделю, Йолдаш стал любимцем всех русских офицеров и команды. Его больные лапы зажили за несколько дней, и скоро он вновь был готов к новым путешествиям и приключениям. Так мы вместе отправились по краям горной цепи Памира в Памирский бассейн, где нас сердечно встретил мой друг, русский консул в Кашгаре. Он предоставил нам небольшой домик в саду консульства, и здесь мы зимовали. Никогда в жизни Йолдашу не было так хорошо. Он прекрасно отдохнул, здесь мы отпраздновали Рождество и встретили новый год, но ни Йолдаш, ни я не могли предвидеть, что наступающий 1895 год будет последним годом его жизни.

В середине февраля мы начали собираться в путь. Я намеревался перейти западную часть пустыни Такла-Макан и там заняться географическими и археологическими исследованиями. Первой нашей целью было маленькое местечко Маралбashi, там, где близко сходятся реки Кашгар и Яркенд.

Мы передвигались в арбах. Это телега с двумя большими, обитыми железом колесами. В первой был я, во второй — двое моих слуг и багаж. Йолдаш заимел товарища — пса по кличке Хамра, в переводе с персидского это тоже «Йолдаш» — «Спутник». Дорогой собаки были привязаны к моей арбе, чтобы их не украли китайцы, уважающие красивых упитанных собак. Кряхтя и громко треща, запряженная четырьмя лошадьми, катилась моя арба, следом за ней вторая по большой дороге на Кум-дэр-Ваш, к Песчаным воротам, через которые мы покинули город. Оттуда нам еще два часа нужно было ехать до Янгишара, или китайского Кашгара, где находилось главное управление гарнизона.

Там произошел маленький инцидент, доказывающий необходимость привязывать собак в этой стране.

К нам вдруг кинулся китайский солдат, удержал лошадей и с дикой жестикуляцией и потоком ругательств стал утверждать, что Хамра — его собака и что мы украли ее. Несмотря на кучку людей, тут же собравшихся вокруг арбы, я приказал вознице двигаться дальше. Китаец кричал и бесился, потом бросился под колеса и поклялся, что лучше погибнет, но собаку не отдаст. С китайцами нелегко сладить. В споре с ними надо быть очень хитрым и сохранять невозмутимое спокойствие, доказывая этим их несправедливость. Наше положение с самого началаказалось ненадежным, окружавшая нас масса — в большинстве китайские солдаты — была, конечно, на стороне хулигана. Поэтому я согласился на компромисс: мы отвяжем Хамру и поедем дальше. Пой-

дет он за солдатом — значит это его пес, пойдет за нами — наш! Солдат и его спутники согласились, очевидно, лелея мысль, что отвязанного пса можно будет сразу схватить и увести. Но как только Хамру освободили, тот молнией понесся по дороге и исчез в облаке пыли. Храбрый китаец остался с носом, а зрители тут же изменили свою точку зрения и злорадно его высмеивали. В полукилометре от города навстречу нам из клубов пыли выбежал довольноый и радостный Хамра и последовал за своими настоящими хозяевами.

Из Маралбаши наш путь лежал вверх по левому берегу Яркенда к деревне Лайлик, оттуда на Меркет. Здесь мне пришлось вооружиться терпением, пока Ислам Бей и другой мой слуга отправились в Яркенд, чтобы купить 8 верблюдов для нас и нашего багажа, так как дальше мы должны были пробираться через пустыню, которую я собирался исследовать, на восток до реки Хотан. Я хотел сам добраться до этой реки. На этом роковом пути наши собаки показали себя по-разному: один как верный и смелый герой, другой как умный и предусмотрительный генерал.

Только 8 апреля вернулся Ислам Бей с восемью прекрасными верблюдами, купленными в Яркенде. Все были с выючными седлами, и трое носили большие громкие колокольчики, как принято во всех караванах. Их привязали во дворе на краю деревни, и перед трудным походом через пустыню они жевали сено, запасаясь впрок. Мне и моим людям было интересно наблюдать за мощными животными, стоя или лежа с удовольствием поедающими душистое сено.

Собаки смотрели на все это совершенно иначе, Йолдашу особенно не нравились верблюды. Для него это были враги, от которых нас надо охранять. Отчасти его ненависть была, наверное, просто ревностью, он считал, что мы гораздо больше внимания обращаем на верблюдов, чем на собак, и делал отчаянные попытки прогнать их. Он лаял до хрипоты, налетал на них и был очень доволен, вырвав несколько клоков шерсти, что сейчас, во время линьки, не представляло труда. Как киргизский пес Йолдаш никогда еще не встречался с верблюдами. Для Хамры же это были старые знакомые, ведь он был жителем пустынь. Из солидарности он конечно лаял тоже, но скоро, поняв безнадежность своих страданий, Йолдаш уже перед уходом из Меркета перестал дразнить верблюдов, благоразумно решив заключить мир. Его гнев наверняка был приглушен полнейшим очевидным презрением со стороны верблюдов. Они даже не замечали его и, выражая свое плохое настроение, плевали на него в прямом и переносном смысле. Со временем он стал видеть в верблюдах чуть ли не ангелов; ведь они несли водяной запас через пустыню.

10 апреля я вышел из Меркета с четырьмя служащими, восемью верблюдами, несколькими овцами и двумя собаками. Когда верблюды спокойно с гордо поднятыми головами двинулись к пустыне, сельские жители молча стояли в трауре у дороги и кара-

ванные колокола звучали глухо, как на похоронной процессии. Сам я сидел на огромном верблюде по имени Берга и начал тут же наносить нашу дорогу на карту. В общем дорога шла все время на северо-восток в 20—30 километрах от реки, почти параллельно ей.

День был теплым. На каждом привале мы копали колодец, и пока нам не нужно было наполнять водой жестяные сосуды, что было большим облегчением для верблюдов. В поисках воды собаки обнюхивали все углубления, похожие на места, в которых люди когда-то копали колодцы. Для охлаждения Йолдаш и Хамра обычно останавливались в скопой тени тополей. Прежде чем лечь, они расчищали верхний, прогретый весенним воздухом слой песка, потом укладывались на освобожденной земле, сохранившей ночной холод. Когда караван проходил мимо них, собаки неслись к следующим тополям и там опять плюхались на живот.

На следующий день мы подъехали к маленькому, довольно глубокому пруду, очевидно, связанному с рекой, вода в нем была хрустально чистой и сладкой. Пока мы разбивали палатки, собаки и овцы кинулись к пруду и жадно пили, разбухая на глазах. И верблюды тоже могли пить вволю.

21 апреля мы дошли до длинного озера с великолепной водой, непосредственно соединявшегося с рекой Яркенд. Это была последняя возможность для нас всех еще раз досыта напиться. Собаки пили, купались, радовались воде. Вечером я приказал двум слугам наполнить сосуды водой на 10 дней. Один из них, Йолчи, проводник, клявшийся, что часто бывает в пустыне, утверждал, что через 4 дня мы доберемся до места, где всюду можно будет копать колодцы. И все же я настоял на том, чтобы мы запаслись водой на 10 дней. Лучше взять с собой лишнее, решил я. Да и верблюдов надо было хоть раз напоить в пути по глубокому песку. К сожалению, я не проверил исполнение приказа, и эти глупцы все-таки взяли воду только на 4 дня, что должно было непременно привести к катастрофе.

По прямой от южного конца озера до реки Хотан было 156 километров. В первый день мы прошли 27 километров, отдохнувшие люди и животные не испытывали жажды. Местность была благоприятной, но к концу дневного перехода все изменилось к худшему. Прежние 10—15-метровые дюны выросли до 20—25 метров. Кругом только песок, песок, песок... Крепкая гладкая глина, над которой ветер надувал дюны, исчезла, тамариски стали встречаться все реже и наконец совсем кончились. В сумерках мы нашли крошечный клочок твердой земли, где росли два одиноких куста тамариска. Здесь мы и разбили лагерь. Кусты тут же обгрызли верблюды. Тамариски были покрыты зелеными листочками, следовательно, их корни должны были достигать грунтовой воды, и мы попытались копать колодец, но выкопав более полу-метра, прекратили, так как земля была совершенно сухая.

Верблюдов мы привязали, предупреждая их попытку убежать

к последнему озеру, где, как они знали, были чудесные пастища и вдоволь воды. Настроение было подавленное, мужчины молча сидели у костра. Слышалось только длинное и глубокое дыхание верблюдов. Наконец мои слуги состряпали простой ужин. Йолдаш сидел с нами и ожидал своей порции. Но где был Хамра? Я свистел и звал, но он не приходил. Не было его ни в лагере, ни в окрестностях. Несколько человек отправились на поиски, но не нашли даже его следов. Во время похода он и Йолдаш на наших глазах останавливались у каждого куста тамариска, раскапывали песок около корней и ложились в тени. Где-то на полпути Мухамед Шах видел, как Хамра выкопал себе яму, но глубже, чем обычно, и не последовал за Йолдашем, который догонял верблюдов. Слуги посчитали Хамру погибшим от солнечного удара. Ведь при хорошем обращении собака не может бросить своего хозяина! Я же подумал, что Хамра умнее своих хозяев и, понимая, куда мы направляемся, решил действовать по принципу: если мои хозяева выжили из ума, то больше нет надобности в послушании, я сам о себе позабочусь. Видимо, он инстинктивно почувствовал, что воды в этих местах нет, а жара еще больше усиливается в это время года.

На следующее утро Хамра не появился, он исчез бесследно. Наверное, он искал обжитые области или примкнул к пастухам, хотя для этого ему пришлось бы вплавь преодолеть Яркенд! Вернувшись в Кашгар, я спрашивал о нем, но его никто никогда больше не видел. А Йолдаш тем временем, не поддавшись соблазну, преданно следовал за караваном. Что он заплатит жизнью за свою верность, не предчувствовал ни он, ни мы.

24 апреля с запада подул свежий ветер, к счастью, не очень сильный, он не привел в движение песок. Небо было чистое, жгло солнце. Тяжело и медленно вышагивали верблюды по дюнам, часто останавливались, тяжело дыша. На более длительных перевалах все, кроме верблюдов, могли пить. Йолдаш и последняя овца получали свою долю. Но очень скоро собака стала страдать от жажды. Пес обезумел, следя за водяными запасами. Если кто-то только дотрагивался до сосудов с водой, он тут же объявлялся, виляя хвостом, тихонько тявкал и просил пить. Овца так же, как и верблюды, стойко переносила жару. Она двигалась за ними, верная, как собака, и была нашей общей любимицей. Люди поклялись лучше умереть с голода, чем зарезать последнюю овцу.

Утопающий хватается за соломинку. Почему бы не попытаться выкопать колодец? Правда, мы давно оставили за собой последний тамариск, грунтовые воды здесь должно быть очень глубоко. Но все же! Маленький кусочек голой земли показался между дюнами. Ислам Бей и Касим взялись за лопаты... На глубине одного метра они дошли до мокрого песка. Ожидание было на пределе. Люди и животные толпились вокруг колодца, отверстие которого окружала гора мокрого песка. Верблюды опустили головы и дышали влажным холодом.

Йолдаш был вне себя. Он знал, что должно случиться. Скоро он сможет лакать желанную воду. Да, скоро все воспрянут духом, будут отдохать день или два у долгожданного колодца, наполнят сосуды и спокойно преодолеют остаток пути до Хотана. Йолдаш не мог сдерживаться и скулил от нетерпения. То он катался на мокром песке, то лежал на животе, чтобы охладиться. Трудно было не поддаться соблазну, не сделать то же самое, что и пес. Его высохшее тело пропиталось влагой, и может быть это подкрепило и удлинило его жизнь на несколько часов.

Наше напряжение достигло высшей точки. Вдруг Касим бросил лопату и прислонился к стенке колодца. Испуганно мы спрашивали его, в чем дело. «Песок сухой!» — прозвучал ответ, как смертный приговор. Он покопал еще немного, но песок оставался сухим. Все замолчали и отвернулись. Мы пропали. В этом предательском колодце мы похоронили свою последнюю надежду. Наши верблюды терпеливо ждали всю ночь. Йолдаш не мог понять нас, ведь мы усиленно работали, были близки к воде и почему-то бросили копать, ушли от колодца. Подавленным, вопрошающим взглядом он смотрел на нас. Пес лег на мокрый песок и так же, как и верблюды, стал ждать спасения, которое никогда не придет. До зари мы продолжали свою безнадежную борьбу с влажным песком...

В последнем сосуде воды оставалось только на один день. Выдавать ее нужно было по каплям, растягивая в крайнем случае еще на три дня. Верблюды не пили уже 3—4 дня. Йолдаш и овца ежедневно пили по полной миске. Верблюды шагали медленно. Йолдаш, как всегда, держался рядом с сосудом, в котором плескались еще последние капли воды. Он знал — там спасение! Все чаще мы отдохали. Я влез на дюну, выискивая лучшую дорогу. Умный пес с лаем прибежал и начал рыть песок, давая понять, что нужно копать колодец. Он спрашивал меня взглядом, почему я не понимаю, какую он испытывает жажду, не стоит ли его верность миски воды? Часто он садился передо мной и долго смотрел мне в глаза, вымаливая ответ на неразгаданную им загадку. Я погладил его, указывая палкой на восток и говоря: «Су, су! — вода, вода там!» Он навострил уши, слово «су» он слышал за последние дни так часто, что запомнил и знал его.

Тихо поскуливая, он пробежал немного в указанном направлении, остановился, глядя на восток, наклонил голову, и вернулся, такой же удрученный и разочарованный, как и прежде, ко мне, как бы сказав, что там нет ни воды, ни зеленой травы, только высокие дюны... Я повторил слово «су» и пошел дальше на восток. Йолдаш следовал за мной и все время не переставал рыть песок лапами. Но все оставалось, как было. Он вернулся, добежав до последнего сосуда, в котором в тakt шагам верблюда плескалась вода.

Мы преодолели половину пути от озера до реки. Мы уже не добрались бы до озера, повернув обратно. Хамра решился вовре-

мя спасти свою жизнь. Вопросом было только, доберемся ли мы до реки или нет? Вечером этого дня Мухаммед Шах пришел в лагерь один. Двух верблюдов уже с утра нельзя было заставить двигаться. Бабай, вытянув шею, приготовился умирать, лежа на песке. А Черный еще стоял грустно глядя вслед каравану, исчезающему за дюнами.

Перед началом темноты на западе появились тяжелые облака стального цвета — облака, образованные водяным паром и содержащие столько воды, что ее будет достаточно, чтобы напоить весь караван. Опять блеснула искра надежды, палаточные полосы разложили на песке и все люди были готовы ухватиться за концы и собирать драгоценную влагу, если ливень, о котором мы мечтали, достигнет нашей местности. Из палаточного полотна мы хотели перелить воду в оставшиеся, еще не выброшенные сосуды. Караван был в сильнейшем возбуждении. Йолдаш, громко лая, носился вокруг нас большими скачками. Он понял, что предстоило что-то необычное, касающееся его и нашей жизни.

Затаив дыхание, мы вглядывались в дождевые облака. Я не хотел и не мог поверить, что эти облака — только обманутая надежда, жестокое наваждение. Но какая польза закрывать глаза на действительность? Грозовая туча на западе медленно потянулась на юг, на Тибет, где не было никого, кто жаждал бы ее прибытия.

Мы пошли отдыхать, забыв на несколькоочных часов свои заботы, Йолдаш улегся рядом с сосудом, хранящим последние капли воды. Серьезное положение, казалось бы, совсем не трогало нашу овцу — ни беспокойства, ни усталости. Как Йолдаш, так и она получила сегодня последний раз глоток воды и, как ни странно, овца чувствовала себя относительно хорошо.

28 апреля над пустыней буйствовал один из суровых весенних штормов «кара буран», или черная буря, пришедший с северо-востока. На этот раз я не мог идти разведчиком вперед, так как следы тут же заметало. Нам нельзя было разлучаться. Потеряв друг друга, мы могли бы исчезнуть навсегда. Мнимый знаток пустыни Йолчи шел последним, ведя умирающего верблюда. Позже он подошел ко мне и сказал, что верблюд лег и не может больше встать. Поэтому он его бросил, догнав нас, до того, как замело следы. В лагере я решил оставить багаж, кроме предметов, необходимых нам в ближайшие дни. Я надеялся послать за багажом, как только будет найдена вода. Мою палатку мы больше не разбивали.

На утро 29 апреля мы проснулись, накрытые летучим песком. Несмотря ни на что, мы с трудом пошли дальше на воссток. Буря успокаивалась, но мы двигались все медленнее. На следующий день нас ожидал неприятный сюрприз. С утра оставалась еще кружка воды. На самом солнцепеке я смочил губы своих людей и свои собственные половиной воды оттуда. Для раздачи в лагере было оставлено по одному

глотку на каждого. Но я обнаружил, что сосуд пуст: кто-то все выпил.

В ночь на 1 мая температура упала до 2°. Звезды светились, как электрические фонари. Утром в хрустально чистом воздухе был абсолютный штиль. Вновь проверяя свой багаж, я нашел бутылку китайского коньяка, предназначенного для при-муса. Ислам Бей повел караван с компасом в руке. Я отстал и выпил стопку отвратительного пойла. Йолдаш, бывший со мной, тихо тявкал и вилял хвостом. Видя, как я пью, он прижался ко мне и умоляющим взглядом просил свою долю. Я дал ему понюхать бутылку. Он замотал головой и отвернулся, копая как всегда сухой песок. Потом он побежал за караваном.

Вскоре коньк начал действовать. Я был просто пьян и больше не мог встать. Я вытянулся на песке и остался лежать под обжигающим утренним солнцем. Караванные колокольчики звучали, как похоронный звон. Скоро караван исчез за дюнами, я остался один, до смерти уставший, обессиленный и одинокий. Даже Йолдаш меня бросил и ушел за караваном. Наконец я собрался с силами и пополз по следам на восток. Попытался встать, но упал. Прополз еще немного и, шатаясь, с помощью палки шаг за шагом пошел дальше. С гребня дюны я наконец увидел караван. Они остановились, и через два часа я их догнал.

Все пять верблюдов лежали. Их силы были на исходе. Мухаммед Шах на коленях молился Аллаху. Двигаться дальше было бесполезно. Мы посоветовались с Исламом и решили оставаться на месте и ждать захода солнца и ночной прохлады. Чтобы иметь хотя бы тень, мы разбили палатку. Я заполз внутрь одной и улегся на маленький матрац. Касим и Ислам за мной, Йолчи остался в тени палатки снаружи. Мухаммед Шах все еще лежал на том же месте в борьбе со смертью. Было горько осознавать всю безнадежность его положения. Не было единственного лекарства, которое могло бы его спасти,— воды.

Йолдаш, обессиленный и похудевший, как скелет, улегся в палатке. Даже овца искала тень. Верблюды, оставшиеся под самым солнцем, с полным основанием могли бы спросить, как можно беспредельно много работать, если им не дают хотя бы воды? Сено давно было израсходовано. Седла давно уже жгли на кострах. С тяжелым сердцем Ислам зарезал верную овцу, чтобы мы могли напиться хотя бы кровью. Но кровь тут же свернулась и отвратительно пахла. Йолдаш лизнул и, отказавшись, грустно отвернулся.

В сумерках мы тронулись в путь из лагеря смерти, где навсегда остались Йолчи и Мухаммед Шах. Йолдаш понял, что теперь началась борьба за жизнь и последовал за нами. Два сосуда мы взяли с собой — они могут нам понадобиться, если мы найдем воду.

5 мая темной ночью мы вместе с верблюдами двинулись дальше на восток. Ислам Бей шел впереди, Касим сзади. Один верблюд лег и не хотел больше вставать. Его груз мы переложили на другого верблюда. В темноте трудно было найти хороший путь. Я зажег фонарь и пошел вперед. Йолдаш не отходил от верблюдов, с твердой уверенностью в наличии воды в сосудах. Наверное, он спрашивал себя, почему мы их не опорожняем. Он был достаточно умен, чтобы не остаться у палатки, где два человека спали последним сном.

Мы уходили все дальше. Все тише звонил последний колокольчик, еще не пожертвованный злым духам пустыни. Только мертвая тишина со всех сторон. Я чувствовал себя одиноким, как никогда. Даже Йолдаш меня оставил. Он не мог понять, что у того, кто идет впереди, есть большая возможность найти воду, если вообще была вода в этой проклятой пустыне. На высоком плоском, очень пострадавшем от последних бурь гребне дюны я остановился и направил луч фонаря на Ислам Бея, осветив им путь для каравана. Наконец они подошли: страшное шествие духов в свете фонаря. Идущий, как пьяный, Ислам Бей рухнул на землю около меня и хрюплю промолвил, что он не в состоянии сделать больше ни одного шага. Он останется и умрет рядом с верблюдами. Я попытался его ободрить, объяснив, что теперь уже недалеко до реки, и если после нескольких часов отдыха, покинув остатки каравана, он пойдет по моим следам, то будет спасен. Но он, не отвечая, смотрел в небо и ждал своего последнего часа.

Касим, последний из моих людей, был еще относительно крепок. Он должен был провожать меня дальше на восток и взять с собой ведро и лопату. Не было тяжелого прощания. Ислам Бей был безучастен и не смотрел нам вслед, когда мы тронулись навстречу неизвестной судьбе. А Йолдаш был на ногах и очень страдал.

Когда речь идет о жизни или смерти, как, например, в данном случае, мне кажется, ум или инстинкт собаки должны обостряться до предела. Пес пристально следил за нашими приготовлениями. Что хотят эти два человека? Уходят, чтобы прийти обратно, как это часто бывало раньше? Но ведро и лопата указывают на рытье колодца. Сколько раз Йолдаш пробовал сам добраться до воды, копая песок. До этого он додумался правильно. Но, с другой стороны, еще никто никогда надолго не отлучался от каравана. Значит, наше отсутствие не могло быть долгим, и перед рассветом мы должны были вернуться.

Звать собаку с собой было бесполезно. Возможно, пес проводил бы нас до первого привала, но оттуда вернулся бы к каравану и к Ислам Бею. Верблюды всегда носили воду, и рядом с ними ему было более надежно, чем в песках. Поэтому он несколько шагов прошел с нами, пытаясь понять наши намерения, затем повернулся и пошел обратно к Ислам Бею. И наверняка провожал

нас взглядом, пока мы не исчезли в ночи за следующими дюнами.

Последний раз он нас видел, последний раз я погладил моего верного спутника и друга, моего дорогого пса Йолдаша на прощание. Никогда уже он не узнает, что мог бы спастись, если бы присоединился к нам этой ночью, если конечно предположить, что он выдержал бы еще пять суток ночного похода... Днем нельзя было двигаться из-за жуткой жары. Если бы Йолдаш пошел с нами, он дошел бы до узкой лесной полосы на берегу Хотана, где сломался Касим. Он мог бы быть со мной, когда я добрался до реки, высохшей в это время, и был уже совсем один. Он мог бы последовать за мной и тогда, когда я, шатаясь медленно, шаг за шагом, преодолел двухкилометровое русло реки. Он был бы со мной в самые чудесные минуты моей жизни и своим тонким чутьем, наверное, раньше меня почуял бы воду.

К моему блаженству прямо передо мной в пятидесяти шагах с громким хлопаньем крыльев вдруг поднялась дикая утка, провожаемая всплеском воды — и в следующее мгновение я стоял на краю двадцатиметровой лужи, наполненной чистой сладкой холодной водой. Да, Йолдаш, наверное, уже напился бы, если бы он был со мной! Наверное, он очень удивился бы, увидев, как я, прежде, чем пить, опустился на колени и благодарил Бога, присутствие которого я так непосредственно, так близко раньше не чувствовал, как в те ночи. Ночи, которые до моего последнего часа остались живы в моем сердце. Это воспоминание всегда связано с именем собаки, которой я не могу отказать в величии души.

Как только я почувствовал себя достаточно крепким, я снял сапоги, наполнил их водой и возвратился к Касиму. Напившись, он стал быстро приходить в себя. Он еще не мог сразу поспевать за мной, но сам скоро добрался до священной воды в почти высохшем русле реки...

10 мая, через несколько дней после моей встречи с людьми, в шалаше у гостеприимных пастухов случилось новое чудо. Появились Ислам Бей и Касим с белым верблюдом, несшим мои карты, дневники, инструменты, путевую кассу с массивными китайскими слитками серебра и все остальное. Плача, Ислам бросился к моим ногам и успокоился только тогда, когда я поблагодарил его за верность и преданность. Он рассказал, как после нашего ухода долго отдыхал в лагере и потом медленно последовал за нами. Поздно вечером он увидел наш сигнальный костер у первых трех тополей на дороге. Это прибавило ему мужества и уверенности, что мы дошли до леса, а может быть даже до самой реки. Когда 6 мая он дошел до высохшей реки, он потерял последнюю надежду и лег умирать. Погибли еще два верблюда, и оставался только белый. 8 мая три купца, путешествовавших вдоль русла реки по дороге из Аксу на Хотан по местам, которые они хорошо знали, случайно нашли Ислама Бея и спасли в последний час его жизни. Потом появился Касим, и оба они с верблюдами отправились искать меня и благополучно нашли у пастухов.

— Что ты можешь мне сказать о Йолдаше?— спросил я Ислам Бея.

— Йолдаш дополз до реки. Он был сильно измотан и обес-силен от жажды и голода. Он был близок к смерти. Там, на берегу реки я его потерял. Я думаю, он лег где-нибудь в тени умирать.

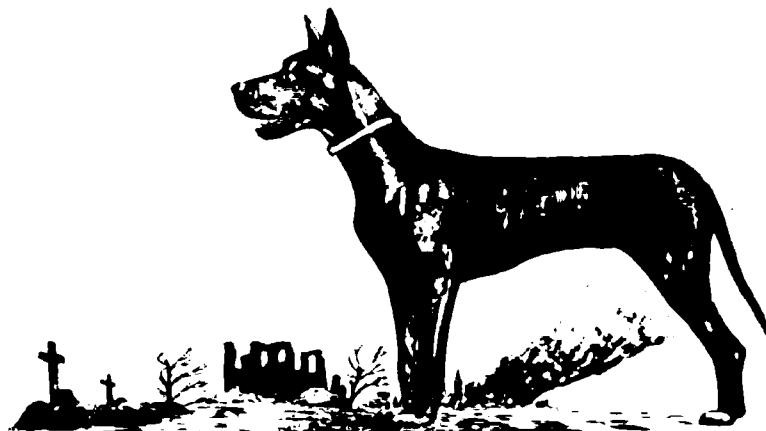
Всего несколько шагов отделяли его от спасительной воды!..

Дог

В одном из уличных боев смертельно ранило командира. Его собака, дого, рыскала по домам, отыскивая спрятавшихся и облавивала их, пока не приходила подмога. Когда хозяин дога упал, сраженный пулей, и солдаты унесли его в дом, собаки рядом не было, а вернувшись, она не смогла найти его. С возрастающим отчаянием дого искал хозяина, вопрошающе лаял на каждого знакомого солдата, умоляя помочь ему.

После длительных безуспешных поисков собака добрела наконец до кладбища, где в это время опускали в могилу ее хозяина. Собака не поняла, что хозяин мертв, она чувствовала его присутствие. Она всегда ощущала себя как бы частью своего хозяина и не признавала разницы между своей и его жизнью. Ее сознание существовало, значит, оно не могло погаснуть и у хозяина — дальше ее размышления не шли. Была, конечно, у нее, как почти у каждой собаки, верность хозяину и после его смерти. Но настраивать свои чувства на такое было для пса жутко и трудно. Он только понял, что хозяин беспомощен — но почему? Этого постичь он не мог.

Пса охватила глубокая озабоченность, он хотел помочь хозяину, жалобно лаял, давая понять, что он тут, исполнит каждое же-

ление, но первые комья земли уже падали на гроб. Собаке не дали прыгнуть вниз, в могилу. Хозяин не звал ее. Дог испуганно кружила вокруг людей и только после ухода всех смог подойти к могиле. Здесь еще чувствовался запах хозяина, на могиле лежал его шлем — признак того, что хозяин рядом и обязательно вернется.

Обычно, если хозяин скрывался в доме или в комнате, куда собаке было запрещено входить, пес привычно ждал у двери. Дог всегда стерег сон хозяина у двери, значит и теперь тоже надо было ждать, пока хозяин выйдет или позовет его. Поэтому он улегся у могилы.

На кладбище были люди, которые копали еще несколько могил. Вечером пришли знакомые солдаты и опять кого-то хоронили. Они подошли к могиле хозяина, остановились ненадолго и, уходя с кладбища, хотели взять с собой дога. Но он не реагировал на их зов. Силой забрать его не удалось: сопротивляясь, пес злобно рычал. Оставив его, солдаты поспешили уйти.

Собака очень волновалась из-за долгого отсутствия хозяина. Она получила приказ, даже не слыша его, это разумелось само собой: подождать там, где ее оставил хозяин, и она подчинилась с радостью просто из привязанности и любви.

Рядом с кладбищем проходила дорога. Оттуда непрерывно доносился шум машин. Оттуда шли и заманчивые запахи, особенно запах съестного, исходящий из разбитого грузовика. Пес был голоден. Но он привык есть только из рук хозяина или его знакомых, к тому же он не мог покинуть своего места. Ночь была беспокойной, ярко осветились окна домов в городе, и пес все ждал, что его позовет хозяин. Только к утру, когда стало тихо, он сбежал к дороге, судорожно проглотил все, что смог найти, но раскаявшись, что оставил свой пост, прихватил булку, найденную около разбитого грузовика, чтобы умилостивить хозяина, если тот будет не доволен его поведением.

На кладбище ничего не изменилось, медленно ослабевающий, едва ощутимый запах хозяина еще чувствовался в воздухе. Дог положил булку рядом со шлемом на могилу и завилял хвостом. Он хотел обратить внимание хозяина на булку.

Постепенно жизнь вокруг пробуждалась. На кладбище пришла толпа людей под конвоем солдат. В стороне они стали копать длинный ряд могил, чтобы похоронить павших бойцов. К дому подошли солдаты, которых он узнал по запаху, поговорили с ним. Он отвечал слабым вилянием хвоста, но все же не отходил от могилы. И когда позже, никем не замеченный, один из проходивших мимо людей хотел украсть булку, дог злобно на него бросился и прогнал прочь.

Вечером, перед уходом с кладбища один из солдат опять попытался увести собаку с собой, но это было невозможно. Дог теперь уже не дал прикоснуться к себе, и солдат отказался от своих намерений. Ночью дог опять отправился на поиски пищи, но ничего не нашел, потому что все съестное, что находилось на разру-

шенных и брошенных грузовиках вдоль дороги, было подобрано голодными жителями. Булка, которую он принес, теперь принадлежала хозяину и была неприкосновенной.

Проходили дни. Пес ждал у могилы и голодал, но он этого не чувствовал. Он глубоко тосковал, безуспешно пытаясь постичь, почему хозяин не выходит или не зовет его к себе. Никогда он не оставался один так долго. Он не мог поверить, что хозяин его бросил навсегда. Беспомощность, с которой хозяин позволил опустить себя вниз, пес понял как болезнь, от которой надо вылечится, прежде чем он опять поднимется и вернется к нему.

От голода у пса начались боли. Когда они проходили, оставались тупая слабость и безвлие, невозможность оценить свое положение и поведение хозяина, и поэтому он делал то, на что послушная собака не отважилась бы: он звал своего хозяина коротким лаем, слабым поскуливанием, потом перестал, так как уже почти не мог поднять голову.

Прошло почти две недели. Совсем исхудавший док лежал молча и бесчувственно, и только иногда судороги пробегали по его телу. Около кладбища остановился автомобиль. Лейтенант и ефрейтор быстро подошли к могиле. Остановившись перед доком, они говорили сочувственные слова, ефрейтор нагнулся и погладил пса. Тот почувствовал знакомую руку, которая часто его кормила. Но и другой человек был ему знаком. Он много раз видел его вместе с хозяином. Потом один из них побежал к автомобилю и быстро вернулся с мясными консервами. Открытую банку он предложил собаке. Док медленно начал есть, люди помогали ему доставать мясо. Когда все было съедено, пес поблагодарил их слабым вилянием хвоста. Они опять посовещались, и вдруг один крикнул: «Тирас, ищи хозяина!» Док попытался подняться, но встать совсем ему не удалось. Он возбужденно оглянулся, понюхал воздух, но никакой след, ни запах не указывали на присутствие хозяина, и он жалобно залаял. Лейтенант вытащил из своей сумки пачку писем и показал их собаке. Док принюхался: это был запах хозяина, это были его вещи, и когда лейтенант опять сказал: «Пойдем, ищи!» — он, с трудом поднявшись и шатаясь от слабости, последовал за людьми до автомобиля. Там его подняли, посадили в машину, и она тронулась с места. Док упал на заднее сиденье, где лежали пальто и чемодан хозяина. Теперь он был спасен и уверен, что найдет потерянного хозяина.

Путь был долгим. Когда док окреп, его пришлось держать на поводке: не находя хозяина, он рвался обратно, туда, где его оставил. Он стал беспокойным, не слушался, но от пищи не отказывался, правда, не мог привыкнуть к новым людям и иногда жалобно лаял, прося помощи.

Наконец, машина привезла его в город, которого док не знал. В предместье перед одним из особняков машина остановилась. Лейтенант вошел в дом, взяв с собой пса. Док поднял голову, прошел запахи и почувствовал что-то хорошо знакомое — дуновение

ние, напомнившее что-то, имеющее для него большую притягательную силу. Их встретила женщина с мальчиком лет пяти и трехлетней девочкой. Дог тут же потянулся вперед, принюхиваясь к этим незнакомым людям. Это были хорошие люди. А мальчик? Лицом, осанкой, движениями так похож на исчезнувшего хозяина! Дог нежно прижался к нему с тоскливым мучительным желанием найти потерянное. И теперь, когда и мальчик к нему прижался, пес явно почувствовал манеру и запах хозяина, каким он был, когда радовался. Еще дог чувствовал, что этот мальчик будет таким же, каким был его хозяин. С просьбой подтвердить его надежду и желание, дог положил свою лапу на руку мальчика. Мальчик его погладил и поговорил с ним. Пес стал бегать вокруг, лая глоухо и счастливо, а потом подошел к мальчику, сидевшему на табуретке, и положил голову ему на колени. Всем своим существом дог понял, что этого маленького человечка, который нуждается в его любви и верности, оставил ему потерянный навсегда хозяин.

Счастье

В северокитайской провинции Хопей, в удаленной бедной деревне, жил старый крестьянин. Его звали отец Чанг. Он был очень беден, но известен в округе своим добрым сердцем. Однажды, особенно холодным зимним вечером возвращался отец Чанг со своего поля. Небо было серое, большие снежинки падали на землю, деревья и кусты согнулись под тяжестью снега. Все казалось мертвым, только ветер несся над широкими заснеженными полями. Вдруг отец Чанг услышал слабое завывание, совсем тихое, как плач испуганного ребенка,— так могло жаловаться только живое существо.

«Кому принадлежит такой грустный голос?»—спрашивал себя старый крестьянин. Осмотревшись, он пошел на голос и увидел шалаш, сооруженный около тропинки. Там на маленькой охапке сухой соломы, свернувшись калачиком, лежал молодой пес, очень худой, почти скелет. Это был пес, похожий на волка, с грязной шерстью, измощденный и безучастный ко всему. Отец Чанг подошел поближе, нежно прикоснулся к собаке и тихо погладил ее по голове. Пес не шелохнулся, он только дрожал от холода. Отец Чанг видел, что жизнь еле теплится в этом слабом тельце.

«Ах ты, бедняжка! Наверное, заблудился!»— говорил старик. Он поднял пса, завернул в свою куртку, прижал к груди, чтобы

согреть его. Было уже совсем темно, когда отец Чанг добрался наконец до своего дома. Дом был деревянный, маленький и очень бедный, в нем было всего лишь одно помещение и не было даже потолка, зато кроме двери имелось еще маленько бумажное окошко. Старики стены его дрожали и могли вот-вот рухнуть под натиском бури.

Отец Чанг положил пса на свою постель, зажег свечу и растопил печку сухими дровами. Вскоре помещение нагрелось и старик приготовил свой ужин — горох, картошку и немного риса. Больше ничего не было. От тепла пес пришел в себя, потянулся, открыл глаза и пасть и бросил взгляд на человека. В его глазах одновременно отражались страдание и голод. Старый крестьянин сразу понял: «Он, вероятно, голодный». Он попытался покормить пса рисом, но тот отказался есть. Должно быть, он испугался незнакомой обстановки. Он смотрел на Чанга робко и неуверенно. Спустя какое-то время отец Чанг еще раз попробовал накормить собаку рисом. На этот раз пес лизнул несколько раз и начал есть. После еды он посмотрел на человека с выражением благодарности и опять улегся на постель.

Это была одна из тех ночей, когда кажется, что весь мир застыл от холода. Отец Чанг сидел на стуле рядом с кроватью и наблюдал за псом, говоря ему: «Бедный малыш! Лучше тебе провести ночь здесь. На улице очень холодно. Завтра ты сможешь идти домой,— он помолчал немного и продолжал.— Кто же твой хозяин?» Пес поднял голову и взглянул на старого крестьянина с благодарностью, потом вытянул лапы и положил голову на одеяло.

Утром отец Чанг покормил пса. «Ну, малыш! Смотри теперь беги домой!»— отец Чанг говорил это и дружелюбно гладил собаку. Пес вилял хвостом, издавая радостные звуки, и лизал ему руку. Позавтракав, старый крестьянин, как всегда, отправился работать в поле.

«Ну, малый, прощай! Пора тебе трогаться»,— сказал он, заметив, что молодой пес идет за ним, и попытался прогнать это худое, некрасивое животное. «Пошел вон! Пошел!»— громко закричал он. Пес немного отбежал, но все же последовал за Чангом в некотором отдалении. Опять и опять пробовал старый крестьянин отослать пса домой, но тщетно. Ничто не могло заставить его уйти.

Первый раз в своей долгой одинокой жизни отец Чанг почувствовал, что нашел друга, который не хочет покидать его. Он повернулся, нежно погладил голову пса и стал бормотать ему ласковые слова, которые он еще никому и никогда не говорил. Отец Чанг решил оставить пса у себя, а поскольку сам он никогда не был счастлив, ему пришла в голову мысль назвать пса «Счастье».

Прошло несколько месяцев. Счастье стал упитанным и видным псом. Пока его хозяин работал в поле, он лежал или сидел рядом, наблюдая за ним. Никогда и никуда он не уходил, ожидая,

когда хозяин закончит работу и можно будет отправляться домой.

Вечерами отец Чанг отыхал после тяжелой работы. Он брал пса на руки, целовал его, разговаривал с ним. Пес закрывал глаза и прижимал уши с довольным видом. Теперь в окошке дома отца Чанга был часто виден слабый свет. Соседи поняли, что старый крестьянин счастлив со своим Счастьем. Проходя мимо дома отца Чанга, они иногда говорили: «Хороший друг у отца Чанга!»

Так прошло 10 лет. Отец Чанг стал слишком стар, чтобы работать. С каждым днем жизнь для старика становилась все тяжелее и тяжелее, все чаще в доме нечего было есть. Счастье постоянно был голоден. Отец Чанг подумывал, не лучше ли отдать Счастье соседу, чтобы не заставлять его страдать от голода? Однажды он отправился к соседу Ли, отвести ему Счастье.

«Пойдем, Счастье!» — сказал он как всегда. Пес обрадованно завилял хвостом, понимая только то, что ему можно выйти погулять. Добравшись до дома Ли, отец Чанг надел веревку на шею Счастья и привязал к столбу. После ухода старика Счастье начал отчаянно выть. Целый день он выл и лаял, и Ли пришлось отвязать пса, тот мгновенно понесся прямо домой к своему хозяину. «Почему ты вернулся? Ты умрешь здесь с голода!» — крикнул Чанг. — Уходи отсюда, глупое животное! Счастье же умоляюще смотрел на своего хозяина, прося оставить его дома. Подползая к старому крестьянину, он лизал его усталые напряженные руки.

Несколько месяцев спустя, купец, живущий на другом конце деревни, пришел к отцу Чангу. Это был крепкий мужчина средних лет. Год назад он одолжил престарелому крестьянину денег.

— Отец Чанг, — сказал он. — Я бы взял твою собаку, если у тебя нет денег, чтобы со мной расплатиться.

— Согласен, возьми его, — ответил отец Чанг.

Купец попытался взять с собой Счастье, но тот стал сопротивляться; носился по дому, громко выл, рычал и даже бросался на него. Но сильный человек все же справился с собакой и забрал ее из дома старого хозяина. Престарелый крестьянин почувствовал себя очень одиноким, ему так не хватало четвероногого друга, иногда пес даже снился ему.

Года через полтора глубокой ночью во время сильного дождя, поглощающего все звуки, отец Чанг сидел у окошка и смотрел на темное небо. Вдруг ему показалось, что он услышал знакомый голос и торопливые шаги, тут же залаяла и зацарапала дверь собака. Отец Чанг поднялся открыть дверь. Счастье, запыхавшийся и возбужденный влетел в комнату, прыгал на старого хозяина, а потом бросился покорно к его ногам. Он совершенно промок и дрожал от холода. «О, дорогой друг, ты опять вернулся!» — вскричал отец Чанг, потрясенный от радости и неожиданности. Он обнимал своего пса. Счастье скулил и издавал странные звуки: он жаловался, — правда нежно и любя, — своему хозяину на выстраданную разлуку.

С этого дня отец Чанг и Счастье жили опять вместе. Престарелый крестьянин страдал ревматизмом, здоровье его день ото дня ухудшалось, он почти не мог двигаться. Счастье был единственным, кто ему помогал, как может помочь собака. Пришла зима. Жуткий холодный ветер дул над полями. Темными декабрьскими ночами деревня засыпала рано. Из-за постоянной боли отец Чанг чувствовал усталость и сонливость, он рано лег в постель. Как всегда, Счастье лежал у огня, рядом с кроватью. В печке еще тлели дрова, согревая помещение. Сильный порыв ветра распахнул окно, закружил остатки соломы и бросил их прямо в тлеющие угли, где они загорелись. Следующий порыв разметал пламя, оно охватило стул с плетеным сиденьем, стол, скамью, загорелась стена. Комната была полна огня и дыма. Отец Чанг, проснувшись от треска огня, громко кричал: «Пожар! Помогите, пожар!». Счастье бросился помогать хозяину, выскочил из дома и начал громко и отчаянно лаять.

Деревенские жители проснулись, услышав требовательный лай собаки, и поспешили из своих домов посмотреть, что случилось. «Как ужасно!» — кричали они, увидев дом отца Чанга, объятым пламенем. Ужас охватил их при виде огня, вырывающегося из-под крыши дома. Счастье метался между людьми с безумным лаем. Его голос сорвался от настойчивого требования помочь своему хозяину. Конечно, люди понимали, чего он хотел от них, но не было никого, кто согласился бы пожертвовать жизнь ради спасения старого крестьянина, потому что горел уже весь дом.

Поняв, что никто из людей не может ему помочь, пес кинулся в горящий ад разрушающегося дома. И стоящие кругом крестьяне были свидетелями доказательства небывалой любви, которая сильнее страха смерти.

Э. Сетон-Томпсон

Снап

История бультерьера

I

Я увидел его впервые в сумерках.

Рано утром я получил телеграмму от своего школьного товарища Джека:

«Посылаю тебе замечательного щенка. Будь с ним вежлив. Так оно безопаснее».

У Джека такой характер, что он мог прислать мне адскую машину или бешеного хорька вместо щенка, поэтому я дожидался посылки с некоторым любопытством. Когда она прибыла, я увидел, что на ней написано: «Опасно». Изнутри при малейшем движении доносилось ворчливое рычание. Заглянув в заделанное решеткой отверстие, я, однако, увидел не тигренка, а всего-навсего маленького белого бультерьера. Он старался укусить меня и все время сварливо рычал. Собаки рычат на два лада: низким, грудным голосом — это вежливое предупреждение или исполненный достоинства ответ — и громко, почти визгливо — это последнее слово перед нападением. И белый песик рычал именно так. Как любитель собак, я думал, что сумею справиться с любой из них. Поэтому, отпустив носильщика, я достал свой складной нож, с успехом заменивший молоток, топорик, ящик с инструментом и кочергу (специальность нашей фирмы) и сорвал решетку. Бесенок грозно рычал при каждом ударе по доскам и, как только я повернул ящик набок, устремился прямо к моим но-

гам. Если бы только его лапка не запуталась в проволочной сетке, мне пришлось бы плохо — он явно не собирался шутить. Я вскочил на стол, где он не мог меня достать, и попытался урезонить его. Я всегда был сторонником разговоров с животными. По моему глубокому убеждению, они улавливают общий смысл нашей речи и наших намерений, хотя бы даже и не понимая слов. Но этот щенок, по-видимому, считал меня лицемером и презрел все мои заискивания. Сперва он уселся под столом, зорко глядя во все стороны, не появится ли пытающаяся спуститься нога. Я был вполне уверен, что мог бы привести его к повиновению взглядом, но мне никак не удавалось взглянуть ему в глаза, и поэтому я оставался на столе. Я человек хладнокровный. Ведь я представитель фирмы, торгующей скобяными изделиями, а наш брат вообще славится присутствием духа, уступая разве только господам, торгующим готовым платьем.

Итак, я достал сигару и закурил, сидя по-турецки на столе, в то время как маленький деспот дожидался внизу моих ног. Затем я вынул из кармана телеграмму и перечитал ее: «Замечательный щенок. Будь с ним вежлив. Так оно безопаснее». Думаю, что мое хладнокровие успешно заменило в этом случае вежливость, ибо полчаса спустя рычание затихло. По прошествии часа он уже не бросался на газету, осторожно опущенную со стола для испытания его чувств. Возможно, что раздражение, вызванное клеткой, немного улеглось. А когда я закурил третью сигару, щенок неторопливо прошествовал к камину и улегся там, впрочем, не забывая меня — на это я не мог пожаловаться. Один его глаз все время следил за мной. Я же следил обоими глазами не за ним, а за его коротким хвостиком. Если бы этот хвост хоть единственный раз дернулся в сторону, я почувствовал бы, что победил. Но хвостик оставался неподвижным. Я достал книжку и продолжал сидеть на столе до тех пор, пока не затекли ноги и не начал гаснуть огонь в камине. К десяти часам стало прохладно, а в половине одиннадцатого огонь окончательно потух. Подарок моего друга встал на ноги и, позевывая, потягиваясь, отправился ко мне под кровать, где лежал меховой коврик. Легко переступив со стола на буфет и с буфета на камин, я также достиг постели и, без шума раздевшись, ухитрился улечься, не встревожив своего повелителя. Не успел я еще заснуть, когда услышал легкое царапанье и почувствовал, что кто-то ходит по кровати, затем по ногам. Снап, по-видимому, нашел, что внизу слишком холодно, и решил расположиться со всем возможным комфортом.

Он свернулся у меня в ногах очень неудобным для меня образом. Но напрасно было пытаться устроиться поуютнее, потому что едва я пробовал двинуться, как он вцепился в мою ногу с такой яростью, что только толстое одеяло спасало меня от жуткогоувечья. Прошел целый час, прежде чем мне удалось так расположить ноги, передвигая их каждый раз на волосок, что можно было наконец уснуть. В течение ночи я несколько раз

был разбужен гневным рычанием щенка — быть может, потому, что осмеливался шевелить ногой без его разрешения, но, кажется, также и за то, что позволял себе изредка храпеть.

Утром я хотел встать пораньше Снапа. Видите ли, я назвал его Снапом... Полное его имя было Джайнджерснап. Некоторым собакам с трудом приискиваешь имя, другим же не приходится придумывать клички — они являются как-то сами собой.

Итак, я хотел встать в семь часов. Снап предпочел отложить вставание до восьми, поэтому мы встали в восемь. Он разрешил мне затопить камин и позволил одеться, ни разу не загнав меня на стол. Выходя из комнаты, чтобы приготовить завтрак, я заметил:

— Снап, друг мой, некоторые люди стали бы воспитывать тебя с помощью хлыста, но мне кажется, что мой план лучше. Теперешние доктора рекомендуют систему лечения, которая называется «оставлять без завтрака». Я испробую ее на тебе.

Было жестоко весь день не давать ему еды, но я выдержал характер. Он расцарапал всю дверь, и мне потом пришлось ее заново красить, но зато к вечеру он охотно согласился взять из моих рук немного пищи.

Не прошло и недели, как мы были уже друзьями. Теперь он спал у меня на кровати, не пытаясь искалечить меня при малейшем движении. Система лечения, которая называлась «оставлять без завтрака», сделала чудеса, и через три месяца нас нельзя было разлить водой. Оказалось также, что в телеграмме он не зря был назван замечательным щенком.

Видимо, чувство страха было ему незнакомо. Когда он встречал маленьку собачку, он не обращал на нее никакого внимания, но стоило появиться здоровому псу, как он струной вытягивал свой толстый хвост и принимался прохаживаться вокруг незнакомца, презрительно шаркая задними ногами и поглядывая в небо, на землю, вдаль — куда угодно, за исключением этого пса, и отмечая его присутствие только частым рычанием на высоких нотах. Если незнакомец не спешил удалиться, начинался бой. После боя незнакомец в большинстве случаев удалялся с особой готовностью. Случалось и Снапу проиграть сражение, но никакой горький опыт не мог вселить в него и крупицы осторожности.

Однажды, катаясь в извозчикье карете во время собачьей выставки, Снап увидел слоноподобного сенбернара на прогулке. Его размеры вызвали у щенка такой бешеный восторг, что он стремглав ринулся из окна кареты и сломал себе ногу.

Он не знал, что такое страх. Он не был похож ни на одну из известных мне собак. Например, если мальчишке случалось швырнуть в него камнем, он тотчас же пускался бежать, но не от мальчишки, а к нему. И если мальчишка снова швырял камень, Снап немедленно разделялся с ним, чем приобрел всеобщее уважение. Только я и рассыльный нашей конторы умели видеть его хорошие стороны. Только нас двоих он считал достой-

ными своей дружбы. К половине лета Карнёги, Вандербильдт и Астор, вместе взятые, не могли бы собрать достаточно денег, чтобы купить у меня моего маленького Снапа.

II

Хотя я не был коммивояжером, тем не менее фирма, в которой я служил, отправила меня осенью в путешествие, и Снап остался вдвоем с квартирной хозяйкой. Они не сошлись характерами. Он ее презирал, она его боялась, и оба ненавидели друг друга.

Я был занят сбытом колючей проволоки в северных штатах. Письма мне доставлялись раз в неделю. В своих письмах моя хозяйка постоянно жаловалась на Снапа.

Прибыв в Мендозу, в Северной Дакоте, я нашел хороший сбыт для проволоки. Разумеется, главные сделки я заключал с крупными торговцами, но я потолкался и среди фермеров, чтобы узнать их нужды и потребности, и таким образом познакомился с фермой братьев Пенруф.

Нельзя побывать в местности, где занимаются скотоводством, и не услышать о злодеяниях какого-нибудь лукавого и кровожадного волка. Прошло то время, когда волки попадались на отраву. Братья Пенруф, как и все разумные скотоводы, отказались от отравы и капканов и принялись обучать разного рода собак охоте на волка, надеясь не только избавить окрестности от врагов, но и поразвлечься.

Гончие оказались слишком слабосильными для решительной схватки, датские доги — чересчур неуклюжими, а борзые не могли преследовать зверя, не видя его. Каждая порода имела какой-нибудь роковой недостаток. Ковбои надеялись добиться толку с помощью смешанной своры, и, когда меня пригласили на охоту, я очень забавлялся разнообразием участвовавших в ней собак. Было там немало ублюдков, но встречались также и чистокровные собаки — между прочим, несколько русских волкодавов, стоявших, наверно, уйму денег.

Гилтон Пенруф, старший из братьев и «начальник» местной охоты, необычайно гордился ими и ожидал от них великих подвигов.

— Борзые слишком изнежены для волчьей охоты, доги медленно бегают, но увидите, полетят клочья, когда за дело возвьмутся волкодавы.

Таким образом, борзые предназначались для гона, доги — для резерва, а волкодавы — для генерального сражения. Кроме того, в свору включили двух-трех гончих, которые должны были своим тонким чутьем выслеживать зверя, если остальные потеряют его из виду.

Славное было зрелище, когда мы двинулись в путь между холмами в ясный октябрьский день! Воздух был прозрачен и чист,

и, несмотря на позднее время года, не было ни снега, ни мороза. Кони охотников слегка горячились и раза два попробовали показать мне, каким образом они избавляются от своих седоков.

Мы заметили на равнине два-три серых пятна, которые могли быть, по словам Гилтона, волками или койотами. Свора понеслась с громким лаем. Но поймать им никого не удалось, хотя они носились до самого вечера. Только одна из борзых догнала волка и, получив рану в плечо, отстала.

— Мне кажется, Гилт, что от твоих хваленых волкодавов нет никакого толку, — сказал Гарвин, младший из братьев. — Маленький черный даг куда лучше, хоть он и простой ублюдок.

— Ничего не пойму! — проворчал Гилтон. — Даже койотам никогда не удавалось уйти от этих борзых, не то что волкам. Гончие также превосходные — пойдут хоть по трехдневному следу. А даги могут справиться даже с медведем.

— Не спорю, — сказал их отец, — твои собаки могут гнать, могут выслеживать и могут справиться с медведем, но дело в том, что им неохота связываться с волком. Вся окаянная свора по-просту трусит. Я много бы дал, чтобы вернуть уплаченные за них деньги.

Так они ссорились и ворчали, когда я распростился с ними и уехал дальше. По-видимому, неудача объяснялась тем, что собаки, хотя и были сильны и быстроноги, но вид волка, очевидно, на-водил на них ужас. У них не хватало духа померяться с ним силами, и невольно воображение переносило меня к бесстрашному песику, разделявшему мою постель в течение последнего года. Как мне хотелось, чтобы он был здесь! Неуклюжие гиганты получили бы вожака, которого никогда не покидает смелость.

На следующей моей остановке, в Бароке, я получил письма, среди которых нашлись два послания от моей хозяйки: первое — с заявлением, что «этот мерзкая собака безобразничает в моей комнате», другое, еще более пылкое, — с требованием немедленного удаления Снапа.

«Почему бы не выписать его в Мендозу? — подумал я. — Всего двадцать часов в пути. Пенруфы будут рады моему Снапу. А на обратном пути я заеду к ним».

III

Следующая моя встреча с Джинджерснапом вовсе не настолько отличалась от первой, как можно было ожидать. Он бросился на меня, притворялся, что хочет укусить, непрерывно ворчал. Но ворчание было грудное, басистое, а хвост усиленно подергивался.

Пенруфы несколько раз затевали волчью охоту, с тех пор как я побывал у них, и были вне себя от неизменных неудач. Собаки почти каждый раз поднимали волка, но никак не могли покон-

чить с ним; охотники же ни разу не находились достаточно близко, чтобы узнать, почему они трусят.

Старый Пенруф был теперь вполне убежден, что «во всем негодном сброде нет ни одной собаки похрабрее кролика».

На следующий день мы вышли на заре. Те же превосходные лошади, те же отличные ездоки, те же большие сизые, рыжие и пестрые собаки. Но, кроме того, с нами была маленькая белая собачка, все время льнувшая ко мне и знакомившая со своими зубами не только собак, но и лошадей, когда они осмеливались ко мне приблизиться. Кажется, Снап пересорился с каждым человеком, собакой и лошадью по соседству. Мы остановились на плоской вершине большого холма. Вдруг Гилтон, осматривавший окрестность в бинокль, воскликнул:

— Вижу его! Вот он бежит к ручью, Скелл. Должно быть, это койот.

Теперь надо было заставить и борзых увидеть добычу. Это не легкое дело, так как они не могут смотреть в бинокль, а равнина была покрыта полынью выше собачьего роста.

Тогда Гилтон позвал: «Сюда, Дандер!» — и выставил ногу вперед. Одним проворным прыжком Дандер взлетел на седло и стал там, балансируя на лошади, между тем как Гилтон настойчиво показывал ему:

— Вот он, Дандер, смотри! Куси его, там, там!

Дандер усиленно всмотрелся в точку, указываемую хозяином, затем, должно быть, увидел что-то, ибо с легким тяжканием соскочил на землю и бросился бежать. Другие собаки последовали за ним. Мы поспешили им вслед, однако значительно отставая, так как наш путь затрудняли овраги, барсучьи норы, камни и высокая полынь. Слишком быстрая скачка могла окончиться печально.

Итак, мы все отстали; я же, человек, непривычный к седлу, отстал больше всех. Время от времени впереди мелькали собаки, то мчавшиеся по равнине, то слетавшие в овраг с тем, чтобы немедленно появиться на другом его склоне. Признанным вожаком был борзой пес Дандер, и, взобравшись на следующий гребень, мы увидели всю картину охоты: койот, летящий вскачь, и собаки, бегущие в четверти мили позади, но, видимо, настигавшие его. Когда мы в следующий раз увидели их, койот был бездыханен и все собаки сидели вокруг него, исключая двух гончих и Джинджерснапа.

— Опоздали к драке! — заметил Гилтон, взглянув на отставших гончих. Затем с гордостью потрепал Дандера: — Все-таки, как видите, не потребовалось вашего щенка!

— Скажи пожалуйста, какая смелость: десять больших собак напали на маленького койота! — насмешливо заметил отец. — Погоди, дай нам встретить волка!

На следующий день мы снова отправились на охоту.

Поднявшись на холм мы увидели движущуюся серую точку.

Движущаяся белая точка означает антилопу, красная — лисицу, а серая — волка или койота. Волк это или койот — определяют по хвосту. Опущенный хвост принадлежит койоту, поднятый кверху — ненавистному волку.

Как и вчера, Дандеру показали добычу, и он, как и вчера, повел за собою пеструю стаю — борзых, волкодавов, гончих, догов, бультерьера и всадников. На миг мы увидели погоню: без сомнения впереди собак длинными прыжками двигался волк. Почему-то мне показалось, что передние собаки бегут не так быстро, как тогда, когда они гнались за койотом. Что было дальше, никто не видел. Собаки вернулись обратно одна за другой, а волк исчез.

Теперь на собак посыпались насмешки и попреки.

— Эх! Струсили, попросту струсили! — с отвращением проговорил старик Пенруф. — Свободно могли нагнать его, но чуть только он повернулся на них, они удрали. Тыфу!

— А где же несравненный, неустрашимый и героический терьер? — спросил Гилтон презрительно.

— Не знаю, — сказал я. — Вероятнее всего, он и не видел волка. Но если когда-нибудь увидит — бьюсь об заклад, он изберет победу или смерть.

В эту ночь вблизи фермы волки зарезали нескольких коров, и мы еще раз отправились на охоту.

Началась она приблизительно так же, как накануне. Уже к вечеру мы увидели серого молодца с поднятым хвостом не дальше как в полумиле. Гилтон посадил Дандера на седло. Я последовал его примеру и подозвал Снапа. Его лапки были так коротки, что вспрыгнуть на спину лошади он не мог. Наконец он вскарабкался с помощью моей ноги. Я показывал ему волка и повторял: «Куси, куси!» — до тех пор, пока он в конце концов не приметил зверя и не бросился со всех ног вдогонку за уже бежавшими борзыми.

Погоня шла на этот раз не через заросли кустарника в речной долине, а по открытой местности. Мы поднялись все вместе на плоскогорье и увидели погоню как раз в ту минуту, когда Дандер настиг волка и попытался ухватить его за заднюю лапу. Серый повернулся к нему для боя, и мы отлично видели все дальнейшее. Собаки подбегали по две и по три, окружая волка кольцом, лаяли на него, пока не налетел последним белый песик. Этот не стал тратить времени на лай, а ринулся прямо к горлу волка, но промахнулся и успел только вцепиться ему в нос. Тогда десять больших собак сомкнулись над волком, и две минуты спустя он был мертв. Мы мчались вскачь, чтобы не упустить развязки, и хоть издали, но явственно рассмотрели, что Снап оправдал мою рекомендацию и хвалебную телеграмму.

Теперь настал мой черед торжествовать. Снап показал им, как ловят волков, и наконец-то мендозская свора доконала волка без помощи людей.

Впрочем, два обстоятельства несколько омрачали радость победы. Во-первых, это был молодой волк, почти волчонок. Вот почему он сдуру бросился бежать по равнине. А во-вторых, Снап был ранен — волк сильно задел ему плечо.

Когда мы гордо двинулись в обратный путь, я заметил, что он прихрамывает.

— Сюда! — крикнул я. — Снап, Снап!

Он раза два попытался вскочить на седло, но не мог.

— Дайте мне его сюда, Гилтон, — попросил я.

— Благодарю покорно. Можете сами возиться со своей гремучей змеей, — ответил Гилтон, так как всем теперь было известно, что связываться со Снапом небезопасно.

— Сюда, Снап, бери! — сказал я, протягивая ему хлыст.

Он ухватился за него зубами, и таким образом я поднял его на седло и доставил домой. Я ухаживал за ним, как за ребенком. Он показал этим скотоводам, кого не хватало в их своре. У гончих прекрасные носы, у борзых быстрые ноги, волкодавы и доги — силачи, но все они ничего не стоят, потому что беззаветное мужество есть только у бультерьера. В этот день скотоводы разрешили волчий вопрос, в чем вы легко убедитесь, если побываете в Мендозе, ибо в каждой из местных свор теперь имеется свой бультерьер, по большей части снапомендозской крови.

IV

На следующий день была годовщина появления у меня Снапа. Погода стояла ясная, солнечная. Снега еще не было. Мы снова собрались на волчью охоту. К всеобщему разочарованию, Снап чувствовал себя плохо. Он спал, по обыкновению, у меня в ногах, и на одеяле остались следы крови. Он, конечно, не мог участвовать в травле. Решили отправиться без него. Его заманили в амбар и заперли там. Затем мы отправились в путь, но меня мучило предчувствие недоброго. Я знал, что без моей собаки мы потерпим неудачу, но не воображал, как она будет велика.

Мы забрались уже далеко, блуждая среди холмов, как вдруг мелькая в полыни, примчался за нами вдогонку белый мячик. Минуту спустя к моей лошади подбежал Снап, ворча и помахивая хвостом. Я не мог отправить его обратно, так как он ни за что не послушался бы. Рана его имела скверный вид. Поздравив его, я протянул ему хлыст и поднял на седло. «Здесь, — подумал я, — ты просидишь до возвращения домой». Но не тут-то было. Крик Гилтона «ату, ату!», известил нас, что он увидел волка. Дандер и Райл, его соперник, оба бросились вперед, столкнулись и вместе растянулись на земле. Между тем Снап, зорко приглядываясь, высмотрел волка, и не успел я оглянуться, как он уже соскочил с седла и понесся зигзагами вверх, вниз — через полынь, под полынью прямо на врага. В течение нескольких минут он вел за собой всю свору. Недолго, конечно. Большие

борзые увидели движущуюся точку, и по равнине вытянулась длинная цепь собак. Травля обещала быть интересной, так как волк был совсем недалеко и все собаки мчались во всю прыть.

— Они свернули в Медвежий овраг! — крикнул Гарвин. — За мной! Мы можем выйти им наперерез!

И мы, повернув, быстро поскакали по северному склону холма, в то время как погоня, по-видимому, двигалась вдоль южного склона.

Мы поднялись на гребень и готовились уже спуститься, когда Гилтон крикнул:

— Он здесь! Мы наткнулись прямо на него.

Гилтон соскочил с лошади, бросил поводья и побежал вперед. Я сделал то же. Навстречу нам по открытой поляне, переваливаясь, неся большой волк. Голова его была опущена, хвост вытянут по прямой линии, а в пятидесяти шагах за ним мчался Дандер, вдвое быстрее, чем волк. Минуту спустя борзой пес настиг его и уже оскалил зубы, но попятился, как только волк повернулся к нему. Они находились теперь как раз под нами, не дальше как в пятидесяти фунтах. Гарвин выхватил револьвер, но Гилтон, к несчастью, остановил его:

— Нет, нет! Посмотрим, что будет.

Через мгновение примчалась вторая борзая, затем одна за другой и остальные собаки. Каждая неслась, горя яростью и жаждой крови, готовая тут же разорвать серого на части. Но каждая поочередно отступала и принималась лаять на безопасном расстоянии. Минуты две спустя подоспели и волкодавы — славные, красивые псы. Приближаясь, они без сомнения, желали ринуться прямо на серого волка. Но бесстрашный его вид, мускулистая грудь, смертоносные челюсти устрашили их задолго до встречи с ним, и они также примкнули к общему кругу, в то время как серый разбойник поворачивался то в одну сторону, то в другую, готовый сразиться с каждой из них и со всеми вместе.

Вот появились догои, грузные твари, каждая такого же веса, как волк. Их тяжелое дыхание переходило в угрожающий хрип, по мере того, как они надвигались, готовые разорвать волка в клочья. Но как только они увидели его вблизи — угрюмого, бесстрашного, с мощными челюстями, с неутомимыми лапами, готового умереть, если надо, но уверенного в том, что умрет не он один, — эти большие догои, все трое, почувствовали, подобно остальным, внезапный прилив застенчивости: да, да, они бросятся на него немного погодя, не сейчас, а как только переведут дух. Волка они, конечно, не боятся. Голоса их звучали отвагой. Они хорошо знали, что первому, кто сунется, несдобровать, но это все равно, только не сейчас. Они еще немного полают, чтобы подбодрить себя.

В то время как десять больших псов праздно метались вокруг безмолвного зверя, в полыни позади них послышался шорох. Затем скачками появился белоснежный резиновый мячик, вскоре

превратившийся в маленького бультерьера. Снап, самый медленный и самый маленький из своры, примчался тяжело дыша — так тяжело, что, казалось, он задыхается, и подлетел прямо к кольцу вокруг хищника, с которым никто не дерзал сразиться. Заколебался ли он? Ни на мгновение. Сквозь кольцо лающих собак он бросился напролом к старому деспуту холмов, готовясь схватить его за горло. И волк ударил его всеми двадцатью своими кинжалами. Однако малыш бросился на него вторично, и что произошло тогда, трудно сказать. Собаки смеялись. Мне почудилось, что я увидел, как маленький белый пес вцепился в нос волка, на которого сейчас напала вся свора. Мы не могли помочь собакам, но они и не нуждались в нас. У них был вожак несокрушимой смелости, и когда битва наконец закончилась, перед нами на земле лежали волк — могучий гигант — и вцепившаяся в его нос белая собачка.

Мы стояли вокруг, готовые вмешаться, но лишенные возможности это сделать. Наконец все было кончено: волк был мертв. Я окликнул Снапа, но он не двигался. Я наклонился к нему.

— Снап, Снап, все кончено, ты убил его! — Но песик был неподвижен. Теперь только увидел я две глубокие раны на его теле. Я попытался приподнять его: — Пусти, старина, все кончено! Он слабо заворчал и отпустил волка.

Грубые скотоводы стояли вокруг него на коленях, и старый Пенруф пробормотал дрогнувшим голосом:

— Лучше бы у меня пропало двадцать быков!

Я взял Снапа на руки, назвал его по имени и погладил по голове. Он слегка заворчал, видимо на прощание, лизнул мне руку и умолк навсегда.

Печально возвращались мы домой. С нами была шкура чудовищного волка, но она не могла нас утешить. Мы похоронили неустрашимого Снапа на холме за фермой. Я слышал при этом, как стоящий рядом Пенруф пробормотал:

— Вот это действительно храбрец! Без храбрости на нашем деле не далеко уйдешь.

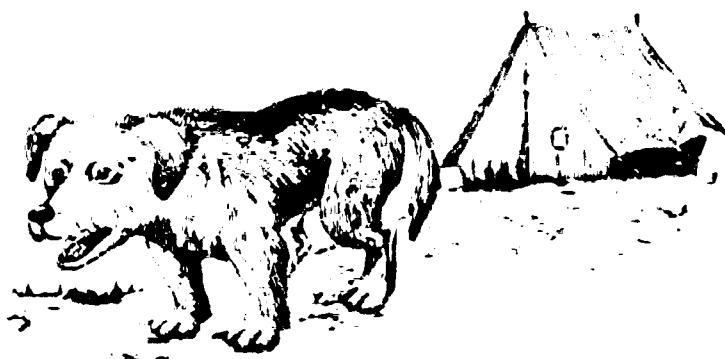
ЧИНК

I

Чинк был уже таким большим щенком, что считал себя замечательной взрослой собакой — и правда замечательным он был, но совсем не таким, каким воображал. Он не был ни свиреп, ни даже внушителен с виду, не отличался ни силой, ни быстротой, но зато был одним из самых шумливых, добродушных и глупых щенков, какие когда-либо грызли сапоги своего хозяина. Его хозяином был Билл Обри, старый горец, живший в то время под горой Гарнет, в Йеллоустонском парке. Это очень тихий уголок, далеко в стороне от путей, излюбленных путешественниками. И то место, где Билл поставил свою палатку, можно было бы признать одним из самых уединенных человеческих обиталищ, если бы не мохнатый, вечно неугомонный щенок Чинк.

Чинк никогда не оставался спокойным хотя бы в течение пяти минут. Он охотно исполнял все, что ему велели, кроме одного: сидеть спокойно. Он постоянно пытался продевать самые нелепые и невозможные штуки, а когда брался за что-нибудь обычновенное и легкое, неизменно портил все дело какой-нибудь выходкой. Однажды, например, он провел целое утро в напрасных попытках вскарабкаться на высокую прямую сосну, в ветвях которой он увидел белку.

В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать суслика.

Суслики во множестве жили вокруг палатки Билла. Эти маленькие животные имеют обыкновение усаживаться на задние лапы, выпрямившись и плотно сложив передние лапки на груди, благодаря чему издали их можно принять за колышки. Вечером, когда нам надо было привязать лошадей, мы нередко направлялись к какому-нибудь суслику, и ошибка выяснялась только после того, как суслик исчезал в норе с задорным писком.

Чинк в первый же день своего прибытия в долину решил не-пременно поймать суслика. Как это за ним водилось, он сразу же натворил много разных глупостей. Еще за четверть мили до суслика он припадал к земле и полз на брюхе от кочки до кочки не меньше ста шагов. Но скоро его возбуждение достигало такой степени, что он, не стерпев, вскакивал на ноги, шел напрямик к суслику, который уже сидел возле норы, отлично понимая, что происходит. Через минуту Чинк бросался бежать, и именно тогда, когда ему следовало красться, он забывал всякую осторожность и с лаем бросался на врага. Суслик сидел неподвижно до самого последнего момента, затем, внезапно пискнув, нырял в нору, бросив задними лапками целую горсть песку прямо в открытую пасть Чинка.

День за днем проходили в таких бесплодных попытках. Однако Чинк не унывал, уверенный в том, что настойчивостью он свое-го добьется. Так оно и случилось.

В один прекрасный день он долго и тщательно подкрадывался к очень большому суслику, проделал все свои нелепые штуки, завершив их яростной атакой, и действительно схватил свою жертву — только на этот раз оказалось, что он охотился за деревянным колышком. Собака отлично понимает, что значит очутиться в дурачках. Всякому, кто в этом сомневается, следовало бы посмотреть на Чинка, когда он в тот день смущенно прятался позади палатки, подальше от посторонних глаз.

Но эта неудача ненадолго охладила Чинка, который был от природы наделен не только пылкостью, но и порядочным упрямством. Ничто не могло лишить его бодрости. Он любил всегда двигаться, всегда что-нибудь делать. Каждый проезжающий фургон, каждый всадник, каждый пасущийся теленок подвергался его преследованию, а если ему на глаза попадалась кошка, с соседнего сторожевого поста, он считал своим священным долгом перед солдатами, перед ней и перед самим собой гнать ее домой как можно скорее. Он готов был по двадцать раз на день бегать за старой шляпой, которую Билл обыкновенно забрасывал в осинное гнездо, командуя ему: «Принеси!»

Понадобилось много времени, для того чтобы бесчисленные неприятности научили его умерять свой пыл. Но мало-помалу Чинк понял, что у фургонов есть длинные кнуты и большие злые собаки, что у лошадей на ногах есть зубы, что у телят есть матери, чьи головы снабжены крепкими дубинками, что кошка может ока-

заться скунсом, а осы — вовсе не бабочки. Да, на это понадобилось время, но в конце концов он усвоил все, что следует знать каждой собаке. И постепенно в нем стало развиваться зерно — пока еще маленькое, но живое зернышко собачьего здравого смысла.

II

Все нелепые промахи Чинка были словно воссоединены в нечто единое, и его характер обрел целостность и силу после промаха, увенчавшего их все, — после его стычки с большим койотом. Этот койот жил недалеко от нашего лагеря и, по-видимому, как и прочие дикие обитатели Йеллоустонского парка, прекрасно понимал, что находится под защитой закона, который запрещал здесь стрелять, охотиться и ставить ловушки или как-нибудь иначе вредить животным. К тому же он жил как раз в той части парка, где был расположен сторожевой пост и солдаты зорко следили за соблюдением закона.

Убежденный в своей безнаказанности, койот каждую ночь бродил вокруг лагеря в поисках отбросов. Сначала я находил только его следы, показывавшие, что он несколько раз обходил лагерь, но не решался подойти ближе. Потом он начал распевать свою заунывную песню тотчас после захода солнца или при первых проблесках утра. И, наконец, я начал находить его четкие следы около мусорного ведра, куда каждое утро выходил посмотреть, какие животные побывали там в течение ночи. Осмелев еще больше, он стал иногда подходить к лагерю даже днем, сначала робко, затем с возрастающей самоуверенностью; наконец, он не только посещал нас каждую ночь, но и целыми днями держался поблизости от лагеря и то пробирался к палаткам, чтобы украсть что-нибудь съедобное, то вossедал на виду у всех на соседнем пригорке.

Однажды утром, когда он таким образом сидел шагах в пяти — десяти от лагеря, один из нашей компании в шутку сказал Чинку: «Чинк, ты видишь этого койота, который смеется над тобой? Пойди прогони его!»

Чинк всегда исполнял то, что ему говорили. Желая отличиться, он бросился в погоню за койотом, который пустился наутек.

Это было великолепное состязание в беге на протяжении четверти мили, но оно и в сравнение не шло с тем, которое началось, когда койот повернул и бросился на своего преследователя. Чинк сразу сообразил, что ему несдобровать, и во всю прыть пустился к лагерю. Но койот бегал быстрее и скоро настиг щенка. Куснув его в один бок, потом в другой, он всем своим видом выразил полное удовольствие.

Чинк с визгом и воем мчался что было мочи, а его мучитель преследовал его без передышки до самого лагеря. Стыдно сказать, но мы смеялись над бедным псом заодно с койотом, и Чинк

так и не дождался сочувствия. Еще одного такого опыта, только в меньших размерах, оказалось вполне достаточно для Чинка: с тех пор он решил оставить койота в покое.

Но зато сам койот нашел себе приятное развлечение. Теперь он каждый день слонялся около лагеря, великолепно зная, что никто не осмелится в него стрелять. К тому же замки всех наших ружей были опечатаны правительенным агентом, а кругом всюду была охрана.

Койот следил за Чинком и выискивал возможность его помучить. Щенок знал теперь, что стоит ему отойти на сто шагов от лагеря, койот окажется тут как тут и начнет кусать и гнать его назад до самой палатки хозяина.

Это продолжалось изо дня в день, и наконец жизнь Чинка превратилась в сплошное мучение. Он больше уже не смел отходить один на пятьдесят шагов от палатки. И даже когда он сопровождал нас во время наших поездок по окрестностям, этот нахальный и злобный койот следовал за нами по пятам, выжидая случая поиздеваться над бедным Чинком, и портил ему все удовольствие прогулки.

Билл Обри перенес свою палатку на милю от нас выше по течению реки, и койот почти перестал посещать наш лагерь, так как переселился на такое же расстояние вверх по течению. Как всякий хулиган, не встречающий противодействия, он становился день ото дня нахальнее, и Чинк постоянно испытывал величайший страх, над которым его хозяин только подсмеивался.

Свой переезд Обри объяснил необходимостью отыскать лучшее пастище для лошади, но вскоре выяснилось, что он просто искал одиночества, чтобы без помехи распить бутылку водки, которую где-то раздобыл. А так как одна бутылка не могла его удовлетворить, то на другой же день он оседлал коня и, сказав: «Чинк, охраняй палатку!» — ускакал через горы к ближайшему кабаку. И Чинк послушно остался, свернувшись клубочком у входа в палатку.

III

При всей своей щенячьеей глупости Чинк был сторожевым псом, и его хозяин знал, что он будет исправно исполнять свои обязанности по мере сил.

Во второй половине этого дня один проезжавший мимо горец остановился, по обычаю, на некотором расстоянии от палатки и крикнул:

— Послушай, Билл! Эй, Билл!

Но, не получив ответа, он направился к палатке и был встречен Чинком самым подобающим образом: шерсть его ощетинилась, он рычал, как взрослая собака. Горец понял, в чем дело, и отправился своей дорогой.

Настал вечер, хозяин все еще не возвращался, а Чинка начал

мучить сильный голод. В палатке лежал мешок, а в мешке было немного копченой грудинки. Но хозяин приказал Чинку стеречь его имущество, и Чинк скорее издох бы с голоду, чем притронулся к мешку.

Терзаемый голодом, он осмелился наконец покинуть свой пост и стал бродить невдалеке от палатки в надежде поймать мышь или найти что-нибудь съедобное. Но тут на него внезапно напал его мучитель койот и заставил бежать обратно к палатке.

Но там в Чинке произошла перемена. Он помнил о своем долге, и это придало ему силы, подобно тому как крик котенка превращает робкую кошку-мать в яростную тигрицу. Он был еще только щенком, глуповатым и нелепым, но в нем жил твердый характер, который должен был развиться с годами. Когда койот попытался последовать за ним в палатку — палатку его хозяина,— Чинк забыл свои страхи и набросился на врага, грозный, словно маленький демон.

Всякий зверь знает, когда он прав, а когда не прав. Моральное преимущество было на стороне испуганного щенка, и койот попытился, злобно рыча и обещая разорвать щенка на куски, но все-таки не осмелился войти в палатку.

И началась настоящая осада. Койот возвращался каждую минуту. Расхаживая вокруг, он скреб землю задними лапами в знак презрения и вдруг опять направлялся прямо ко входу в палатку, а бедный Чинк, полумертвый от страха, мужественно защищал имущество, вверенное его охране.

Все это время Чинк ничего не ел. Разва два в течение дня ему удалось выбежать к протекавшему рядом ручью и напиться, но он не мог так же быстро раздобыть себе пищу. Он мог бы пощипать мешок, лежавший в палатке, и поесть грудинки, но он не смел тронуть то, что ему доверили охранять. Он мог бы, наконец, улучить минуту и, оставив свой пост, сбегать в наш лагерь, где, конечно, его бы хорошо накормили. Но нет, беда превратила его в настоящего сторожевого пса, и он должен был оправдать доверие хозяина во что бы то ни стало, был готов, если нужно, умереть на своем посту, в то время как его хозяин пьянствовал где-то за горой.

Четыре мучительных дня и четыре ночи провел этот маленький героический пес, почти не сходя с места и стойко охраняя палатку и хозяйствское добро от койота, которого смертельно боялся.

На пятый день утром старый Обрипротрезвился и вспомнил, что он не у себя дома, а его лагерь в горах оставлен им на попечение щенка. Он уже устал от беспробудного пьянства и поэтому сразу оседлал коня и направился в обратный путь. На полдороги в его затуманенной голове мелькнула мысль, что он оставил Чинка без всякой еды.

«Уж наверное от грудинки ничего не осталось», — подумал он и погнал лошадь быстрее. Он доехал до гребня горы и увидел па-

латку, а у входа, ощетинившись и рыча друг на друга, стояли большой злобный койот и бедный маленький Чинк.

— Ах, чтоб меня! — воскликнул Обри смущенно. — Я же совсем забыл про этого проклятого койота. Бедняге Чинку пришлось туго, и как этот койот еще не разорвал его на куски, да и палатку в придачу.

Да, мужественный Чинк, быть может, в последний раз выдерживал натиск врага. Его ноги дрожали от страха и голода, но он все еще ^{Меня} принимал самый воинственный вид и, без сомнения, готов был умереть, защищая свой пост.

Биллу Обри с первого взгляда все стало ясно, а когда он подскакал к палатке и увидел нетронутый мешок с грудинкой, то понял, что Чинк ничего не ел с самого дня его отъезда. Щенок, дрожа от страха и усталости, подполз к нему, заглянул ему в лицо и стал лизать руку, как бы желая сказать: «Я сделал то, что ты мне велел, хозяин». Старик Обри не выдержал: в его глазах стояли слезы, когда он торопливо доставал еду маленькому герою.

Затем он повернулся к нему и сказал:

— Чинк, старый друг, я тебя подвел, а ты меня никогда не подводил, и уж если я отправлюсь погулять, то обязательно возьму тебя с собой. Не знаю, чем тебя порадовать, друг, раз ты не пьешь водки. Вот разве я тебя избавлю от твоего самого большого врага!

Он снял с шеста посреди палатки свою гордость — дорогой магазинный карабин. Не думая о последствиях, он сломал каленую печать и вышел за дверь.

Койот, по обыкновению, сидел невдалеке, скаля зубы в ехидной усмешке. Но прогремел выстрел, и страхи Чинка кончились.

Подоспевшие сторожа обнаружили, что нарушен закон об охране парка, что старый Обри застрелил одного из диких обитателей. Его карабин был отнят и уничтожен, и он вместе со своим четвероногим другом был позорно изгнан из парка и лишен права вернуться под угрозой тюремного заключения.

Но Билл Обри ни о чем не жалел.

— Ладно! — сказал он. — Должен же я был помочь своему товарищу, который никогда меня не подводил.

13-60

